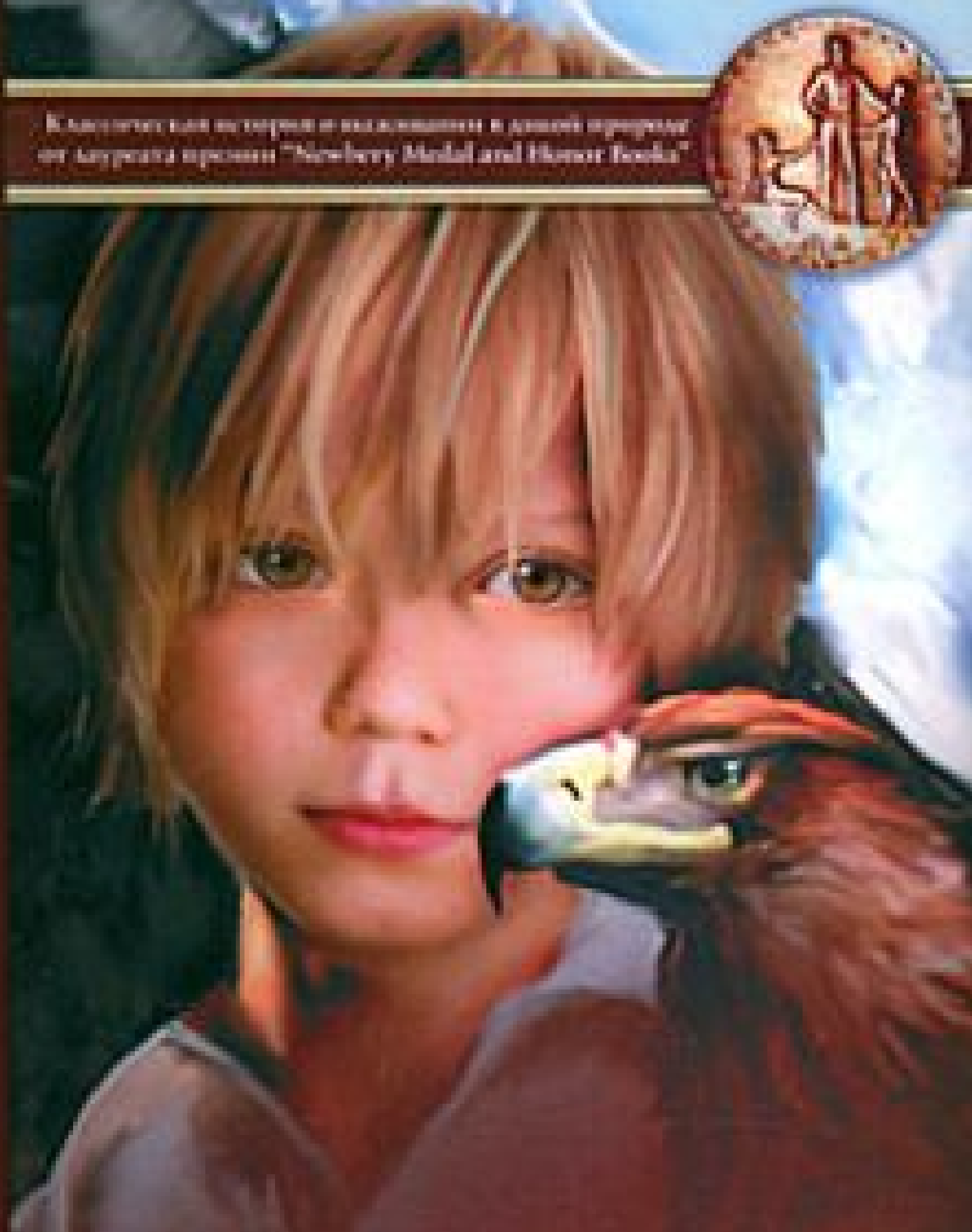

Книжкина катэгорыя: дзіцячы і падлеткавы літаратурны твор
ser: "Newbery Medal and Honor Books"

Дэвід Грэйгхэд Джордж

Моя сторона ROU

ГОДЫ

Джин Грейгхэд Джордж

Моя сторона горы

От автора

Я училась в начальной школе, когда однажды собрала вещи и сказала маме, что уйду из дома. Я представляла это так: буду жить у водопада в лесу и рыбачить с помощью крючков, сделанных из веточек деревьев, как меня научил папа. Буду гулять среди цветов и деревьев, слушать пение птиц, узнавать погоду по облакам и ветру и лазать по горам свободной и независимой. Мудрая мама не старалась меня переубедить. Она удостоверилась в том, что в моем рюкзаке была зубная щетка и открытка, чтобы написать ей, как у меня дела, и поцеловала меня на прощание. Через сорок минут я вернулась.

Когда моя дочь Твиг училась в начальной школе, она заявила мне, что собирается уйти из дома и жить в лесу. Я убедилась в том, что у нее в рюкзаке лежит зубная щетка, и проводила ее до дверей. Она была твердо уверена в том, что делает. Я послала ей воздушный поцелуй и стала ждать. Некоторое время спустя она вернулась.

Хотя желание убежать из дома в леса и жить самостоятельно в нашей семье передается по наследству, мы не одни такие. Практически каждый, кого я знаю, в определенное время мечтал о том, чтобы убежать далеко в горы или на остров, укрыться в замке или на корабле и жить в красоте и спокойствии. Однако мало кому это удавалось.

Одно дело хотеть убежать, другое — сделать это. Возможно, я могла бы поступить так, как Сэм Грибли: уйти от людей, сделать себе дом, выжить благодаря находчивости и начитанности. Все это у меня было. Мой отец, ученый-естествоиспытатель, рассказывал мне о флоре и фауне восточных лесов и показал, где растут съедобные клубни и фрукты. По выходным на реке Потомак, рядом с Вашингтоном, где я родилась и выросла, мы с ним грели воду в листьях и делали ловушки для кроликов. Мы вместе мастерили столы и стулья из молодых побегов, сплетенных с корой американской липы. Мои братья, одни из первых сокольников в Соединенных Штатах, помогли мне приручить сокола. Я знала, как выжить в лесу. Тем не менее я вернулась домой.

— Но не Сэм, — сказала я себе, садясь за печатную машинку и начиная эту историю, которую много-много лет создавала, вышивала у себя в голове.

Писалось легко. К примеру, Сэму нужен был дом. И я вспомнила огромное дерево, в котором жили мои братья на острове на реке Потомак. Оно будет домом Сэма. И я знала, благодаря чему он выживет, когда с едой станет туго.

— Ему поможет сокол, — сказала я себе.

Идей было много. Первый вариант был готов спустя две недели. После пяти редакций книга была готова и отправлена издателю. Мне позвонила Шерон Бэнниган, в то время редактор детской литературы издательства E. P. Dutton.

— Эллиот Макрей, издатель, — сказала она, — не будет печатать книгу. Он говорит, что родители не должны подталкивать детей к тому, чтобы убежать из дома.

Расстроенная, я положила трубку и вышла на задний двор. Как обычно, в лесу я очень быстро забыла о том, что меня беспокоит. Чуткий ворон охранял свое гнездо, высматривая в небе ястребов. Белка мастерила убежище на зиму из листьев. Паук плел сообщение для своего соратника.

Лучше убегать в лес, чем в город, думала я. Здесь — целый мир.

Зазвонил телефон. Это опять была Шерон Бэнниган. Она прямо-таки пела.

— Эллиот Макрей передумал.

— Но как, — спросила я. — Случилось чудо?

— Я просто сказала ему, что лучше дети будут убегать в лес, чем на улицы города, — ответила она. — Он подумал об этом. Так как у него есть дом в лесах Адирондака, он время от времени сам убегает туда ото всех. Вдруг он понял Вас.

«Моя сторона горы» будет напечатана весной 1959 года.

С тех пор и по сей день я отвечаю на письма детей о Сэме. Большинство спрашивает, реальный ли он мальчик. Некоторые, убежденные в том, что он существует, едут с самого Лонг-Айленда, Нью-Йорк, в Дели, Нью-Йорк, чтобы найти то самое дерево, сокола, ласку и енота. Им и другим интересующимся, я отвечаю: «Реального Сэма не существует. Есть только тот, который живет в моем сердце». Его приключения — это осуществление того дня, когда я сказала маме, что уйду из дома, добралась до леса и вернулась. Наверняка Сэм исполнит и ваши мечты. Неважно, писатель вы или читатель, убегать из дома лучше в книге.

Я укрываюсь от снежной бури

Я на своей горе, в доме из дерева, мимо которого люди могут пройти, даже не заметив его. Мой дом — это дерево тсуга около метра в диаметре. Оно, должно быть, такое же старое, как и сама гора. Я нашел его прошлым летом, раскопал, и выжег так, что получилась уютная пещера, которую теперь называю домом.

Моя кровать — справа от входа. Она сделана из дощечек ясеня и покрыта оленьими шкурами. Слева — маленький очаг, высотой примерно до колена. Он сделан из глины и камней. Также есть дымоход, который выводит дым через дупло в дереве. Я вырезал еще три дырки в дереве, чтобы проникал свежий воздух. Он довольно холодный.

Снаружи наверняка ниже нуля, но я все еще могу сидеть внутри дерева с голыми руками. К тому же огонь мал, но чтобы обогреть дерево, не нужно много пламени. Думаю, сегодня четвертое декабря. Хотя, может быть, и пятое. Я не уверен, потому что давно не считал зарубки на стволе осины, которая является моим календарем. Я занимался сбором орехов и ягод, копчением оленины, рыбы. Мне было трудно уследить за точной датой.

Лампа, под которой я пишу, — это олений жир, налитый в черепаший панцирь, с полоской моих старых брюк в качестве фитиля.

Вчера и сегодня не переставая сыпал снег. Я не выходил наружу с тех пор, как началась буря. Впервые за восемь месяцев жизни после побега из дома мне скучно.

Я хорошо себя чувствую, не болею. Еда тоже хорошая: иногда я ем черепаший суп, а еще могу приготовить блины из желудей. Я храню свои запасы в стволе дерева в деревянных

ящиках, которые вырезал сам.

Каждый раз, когда я смотрю на эти ящики последние два дня и чувствую себя белкой, вспоминаю, что не видел ни единой за день до начала бури. Думаю, они все попрятались и тоже едят свои запасы орехов.

Интересно, затаился ли Барон — дикая ласка, живущая под большим валуном к северу от моего дерева. Что ж, в любом случае думаю, буря утихает, потому что дерево больше не стонет так сильно. При сильном ветре все дерево издает своеобразный звук до самых корней, где я и нахожусь.

Надеюсь, завтра мы с Бароном выберемся наружу. Интересно, придется ли мне раскапываться от снега. Если так, то мне надо будет куда-то его убирать, а единственное место — это моя уютная пещера.

Может, я смогу лепить его по мере того, как рою. Я всегда зарывался в снег, а не раскапывался.

Должно быть, Барон умеет раскапываться. Интересно, куда он складывает снег? Ну, думаю, что узнаю это утром.

Когда я писал это прошлой зимой, то был испуган и думал, что, возможно, никогда не выберусь из своего дерева. Два дня я боялся — тогда в Катскильских горах разразилась первая буря. Когда выбрался наружу (просто нырнул головой в мягкий снег и поднялся на ноги), рассмеялся над своими страхами.

Все вокруг было белым, чистым, сияющим и прекрасным. Небо — синее-синее.

Тсуга оказалась покрыта снегом, луг был мягким и белым, долина сияла ото льда. Было так красиво и спокойно, и я громко засмеялся. Думаю, я сделал это, потому что моя первая буря закончилась, и на самом деле ничего страшного не случилось. Потом закричал:

— Я сделал это!

Мой голос не разлетелся по горам. Он утонул в тоннах снега.

Я начал искать Барона. Его следы рядом с валуном, на горке, где он играл. Наверняка он часами бегал, наслаждаясь выпавшим снегом.

Вдохновленный его радостью, я заглянул в дерево и свистнул. Внушающая Страх, моя прирученная соколица, села мне на руку, мы прыгнули и заскользили по склону горы, оставляя за собой большие дыры и следы. Хорошо вот так свистеть и снова ощущать себя беззаботным, потому что я определенно был испуган прошедшей бурей.

Начиная с мая я трудился, стараясь научиться разжигать огонь кремнем и огнивом, собирая съедобные растения, ловя животных и рыбака — все это я делал, пока в Катскильских горах не разразилась снежная буря. К тому времени я смог забраться в дерево, внутри которого было тепло и много еды.

Все лето и осень я думал о приближении зимы. На третий день декабря небо потемнело, стало холодно и первые снежинки закружились вокруг меня. Должен признать, что мне хотелось вернуться в Нью-Йорк. Даже первой ночью, которую я провел в лесу, когда не сумел разжечь огонь, мне было не так страшно, как когда в долине началась буря, быстро поднявшаяся на гору. Я коптил три форели. Было девять утра.

Я старался удержать пламя внизу, чтобы рыба не подгорела. Пока занимался этим, вдруг осознал, что стало ужасно темно. Внушающая Страх была привязана к своей ветке. Она

казалась обеспокоенной и дергала привязанной лапой. Тогда я понял, что в лесу мертвенно тихо. Даже дятлы, которые донимали меня по утрам, затихли. Белок нигде не было видно. Юнко, синицы и поползни пропали. Я оглянулся, чтобы посмотреть, что делает Барон. Его нигде не было. Я поднял голову.

Со своего дерева я мог видеть долину за лугом. Обычно прозрачная вода лилась по темным камням и порогам в долину. В тот день вода была темной, как камни, только звук напоминал мне о том, что вода все еще падает. Стояла кромешная темнота. Зимние тучи, черные и страшные, выглядели угрожающе. Ветер завывал, от страха мне стало дурно. Я знал, что еды у меня достаточно, поэтому был спокоен, что все будет просто отлично. Но это не помогало. Паника овладела мной. Я затушил огонь и убрал рыбу. Попытался свистнуть Внушающей Страх, но не мог плотно сложить трясущиеся губы, поэтому получилось нечто вроде: пффффф. Поэтому я взял ее за веревки, привязанные к ее лапам, и мы спрятались за дверь из оленьей шкуры в моем дереве. Я оставил Внушающую Страх у изголовья кровати, а сам лег и свернулся калачиком. Я думал о Нью-Йорке, о шуме, фонарях и о том, что там буря казалась чем-то игрушечным. Я думал и о нашей квартире. В тот момент она казалась яркой, освещенной и теплой. Мне пришлось сказать себе: «Нас в ней было одиннадцать!» Папа, мама, четыре сестры, четыре брата и я. Никому из нас она не нравилась, кроме, наверное, Нины, которая была слишком мала, чтобы что-либо понять. Папе она ни чуточки не нравилась. Когда-то он был моряком, но когда я родился, он оставил плавание и стал работать в доках Нью-Йорка. Папе не нравилось на суше. Он любил море, мокрое, большое и бескрайнее.

Иногда он рассказывал мне о прадеде Грибли, который владел землей в Катскильских горах. Срубив несколько деревьев, построил себе дом и начал заниматься земледелием — только чтобы убедиться, что он хочет быть моряком. С фермой не получилось, и прадед Грибли отправился в плавание.

Когда я лежу, зарывшись лицом в сладко пахнущую засаленную оленью шкуру, то слышу папин голос: «Эта земля все еще принадлежит нашей семье. Где-то в Катскильских горах есть старый бук с вырезанной на нем фамилией Грибли. Он обозначает северную границу его причуды — суша не место для Грибли».

— Суша не место для Грибли, — сказал я. — Суша не место для Грибли, а я сейчас в сотне метров от бука с вырезанной на нем фамилией Грибли.

Я заснул, но когда проснулся, почувствовал, что голоден. Я расколол несколько орехов, достал муку из желудей, которую смолот, добавив немного ясеня для остроты, подошел к двери за снегом и напек блинов из желудей на крышке консервной банки. Когда я начал есть блины, предварительно полив их джемом из голубики, тогда уже точно был уверен, что суша — отличное место для Грибли.

Я начинаю свой рассказ

На упаковке я написал следующее:

«Сильный отрывистый удар лучше всего. Помни: держи огниво в левой руке, а кремь — в правой, ударяй кремнем по огниву. Проблема в том, что искры летят в разные стороны».

И это действительно было проблемой. Как я уже говорил, первой ночью мне не удалось разжечь огонь. Тогда было страшно.

Я автостопом доехал до Катскильских гор. Около четырех часов дня мы с водителем проезжали мимо красивого тсугового леса, и тогда я сказал:

— Вот куда я отправлюсь. Он оглянулся и спросил:

— Ты живешь здесь?

— Нет, ответил я, — я решил убежать из дома, и именно в такой лес и мечтал убежать.

Думаю, что сегодня буду ночевать тут. Я выпрыгнул из машины.

— Эй, парень, — закричат водитель. — Ты серьезно?

— Конечно, — ответил я.

— Ну, разве это не опасно? Знаешь, когда я был в твоём возрасте, то тоже так сделал. Единственное, что я был деревенским парнем, который убежал в город, а ты бежишь из города в лес. Я боялся города — разве тебе не будет страшно в лесу?

— Конечно, нет! — громко закричал я.

Когда я вошел в прохладный тенистый лес, то услышал голос водителя:

— Утром я поеду обратно, если вдруг захочешь вернуться домой.

Он рассмеялся. Все смеялись надо мной. Даже папа. Я сказал ему, что собираюсь убежать в то место, где жил прадед Грибли. Он разразился смехом и рассказал мне о том времени, когда сам убежал из дома. Он сел на корабль, следующий в Сингапур, но когда раздался гудок отправления, спустился по трапу и направился домой в постель, прежде чем кто-либо заметил его отсутствие. Потом он сказал мне:

— Конечно, попробуй. Каждый мальчик должен через это пройти.

Должно быть, я прошел около километра по лесу, до того как нашел ручей. Он был чистым и большим, с порогами и брызгами. По берегам росли папоротники, а камни внутри него были покрыты мхом.

Я присел, втянул ноздрями воздух сосен и достал перочинный нож. Я срезал зеленую веточку и принялся строгать. У меня всегда хорошо получалось работать по дереву. Однажды я сделал корабль, который учитель выбрал для показа родителям достижений учеников в школе.

Сначала я срезал угол на одном конце веточки. Затем я взял еще одну ветку и заострил ее. Я срезал угол и на этой ветке, а потом связал оба угла веточек вместе полоской зеленой коры. Предполагалось, что получится крючок для ловли рыбы. Согласно книге по выживанию на суше, которую я читал в Публичной библиотеке Нью-Йорка, так можно было сделать крючки самому. Затем я накопал червей. Я с трудом избавился от мха с помощью топора, прежде чем замерз. Не думал, что в середине мая будет так холодно, но ведь я никогда раньше не был в горах.

Это меня беспокоило, потому что для того, чтобы выжить, мне нужна была рыба, пока я не доберусь до горы прадеда, где начну делать ловушки и ловить зверей. Я исследовал ручей в поисках пищи. Пока я занимался этим, наткнулся на полусгнившее бревно. Тут я вспомнил о старых бревнах и о том, сколько насекомых живет в них.

Разрубив его топором, я нашел там личинку.

Я быстро привязал веревку к крючку, насадил личинку и пошел к ручью, чтобы найти хорошее место для рыбалки. Во всех книгах, что я читал, однозначно говорилось о местах обитания рыбы:

«В ручьях рыба обычно обитает в заводях и глубоких стоячих водах. Начало порогов, маленькие стремнины, окончание заводей, водовороты от камней или бревен, пологие берега, в тени свисающих над водой кустов — такие места наиболее удачные для ловли рыбы».

В этом ручье похоже не было стоячей воды. Мне казалось, что я прошел тысячу километров, пока не нашел заводи у пологого берега в тени свисающих над водой кустов. На самом деле место было не так далеко, как казалось, потому что я долго искал и ничего не находил. Я был уверен, что умру с голода.

Я присел на берег и закинул удочку, очень хотелось поймать рыбу. Одна рыба поможет мне, так как я читал о том, сколько можно от нее одной узнать. Изучив содержание ее желудка, я смогу понять, что едят другие рыбы, или использовать внутренние органы как наживку.

Личинка опустилась на дно ручья. Она закрутилась и замерла. Вдруг личинка снова ожила и завертелась кругами. Я сильно потянул удочку. Крючок разломился, и то, что я мог поймать, отправилось обратно спать.

Я чуть было не заплакал. Наживка ушла, крючок сломан, мне было холодно и страшно — все это сводило меня с ума. Я вырезал еще крючок, но на этот раз схитрил и связал его веревкой, а не корой. Я вернулся к бревну и, к счастью, нашел еще личинку. Я поспешил к заводи и вытащил форель прежде, чем понял, что у меня клюет.

Рыба билась, и я навалился на нее всем телом. Я старался не думать о том, что она может выскользнуть.

Я почистил ее, как это делает продавец в рыбном магазине, осмотрел ее желудок. Там оказалось пусто. Этот факт привел меня в ужас. Я тогда еще не знал, что пустой желудок означает то, что рыбы голодны и способны проглотить любую наживку. Однако в тот момент я ощущал себя полным неудачником. Грустный, я насадил на крючок внутренности рыбы, и еще до того как удочка коснулась дна, у меня начало клевать. Первая сорвалась, но я выудил другую. Я перестал рыбачить, когда поймал пять маленьких хороших форелей, и стал присматривать подходящее место для лагеря и костра.

Найти симпатичное местечко вдоль ручья было нетрудно. Я выбрал место за мшистой скалой, окруженной тсугами.

Прежде чем начать готовить, я решил сделать кровать: срезал несколько сучков для матраса, потом собрал опавшие веточки у камня и накрыл их ветвями тсуги. Получилось что-то вроде тента. Я забрался внутрь, прилег. Я чувствовал себя одиноким, затерянным и взволнованным.

Но нет, это только начало! Я находился на северо-восточной стороне горы.

Стемнело рано и резко стало холодно. Видя, как на меня ложатся тени, я судорожно носился, собирая хворост.

Это единственное, что я делал с того момента и до рассвета, потому что помнил, что самое сухое дерево в лесу — это сухие веточки на деревьях. Я собрал их несметное количество. Должно быть, они до сих пор там, потому что костер я так и не развел.

Одни искры, искры, искры. Я даже осыпал трут искрами. Он загорелся, но не больше. Я дул

на него, дышал, прикрываяй его руками, но как только начинал подсовывать веточки, все потухало.

Затем стало слишком темно, чтобы что-либо увидеть. Я ударял кремнем по огниву, хоть и не видел трута. Наконец, я сдался и залез под свой тент из тсуги, голодный, холодный и несчастный.

Я моту рассказать о своей первой ночи в лесу, хотя мне до сих пор стыдно, что был так глуп, напутан, и ненавижу то, что мне приходится это признавать.

Я сделал кровать из тсуги прямо в долине ручья, куда задувал холодный ветер с вершины горы.

Лучше бы я сделал ее с другой стороны валуна, но не догадался. Я был прямо на пути холодных ветров, разрывающих долину. Не хватало веток тсуги для подстилки. Было холодно и мокро. Я снял несколько веток с крыши и положил под себя, но замерзли плечи. Я свернулся калачиком и почти заснул, когда услышал козодоя. Если вы хоть раз были в полутора метрах от козодоя, вы поймете, почему я так и не смог сомкнуть глаз. Эти птицы просто оглушительны!

Что ж, в любом случае так прошла вся ночь. Не думаю, что проспал и пятнадцати минут. Мне было так страшно и я так устал, что аж в горле пересохло. Хотелось пить, но я не решаюсь пойти к ручью из-за страха оступиться, упасть и намочнуть. Поэтому я сел, трясаясь и дрожа, и, если можно так сказать, слегка всплакнул.

К счастью, у солнца есть замечательная, волшебная привычка — вставать по утрам. Когда небо прояснилось, когда проснулись птицы, я знал, что больше никогда не увижу ничего более прекрасного, чем восход солнца.

У меня тут же поднялось настроение, и я отправился к магистрали. Каким-то образом я чувствовал, что если буду ближе к дороге, то все будет хорошо.

Я взобрался на холм и остановился. Я увидел дом. Теплый и уютный, с дымом, идущим из трубы, и светом в окнах и всего лишь в тридцати метрах от моего несчастного лагеря.

Не думая о гордости, я спустился с холма и постучал в дверь. Открыл приятный старичок. Я выпалил ему все в одном предложении, а потом добавил:

— И вот, можно ли мне приготовить рыбу тут, потому что я не ел целую вечность.

Он усмехнулся, провел рукой по щетине и взял рыбу. Она была готова, прежде чем я успел узнать его имя.

Когда я спросил его, он сказал что-то вроде Билл и еще что-то, но не услышал его фамилии, потому что заснул в кресле-качалке, которое стояло за большой горячей плитой в кухне.

Через несколько часов я поел рыбы, а еще хлеба, желе, овсянки и сметаны. Потом он сказал мне:

— Сэм Грибли, если ты собираешься убежать из дома и жить в лесу, тебе стоит научиться разводить огонь. Пойдем со мной.

Мы целый день тренировались. Я сделал следующие записи на клочке бумаги, чтобы не забыть:

«Когда трут загорается, продолжай дуть, добавляй сухие веточки по одной и продолжай дуть. Постоянно, аккуратно и ровно. Добавляй короткие сухие веточки, а потом засыпь пригоршней

толченых сухих листьев. Продолжай дуть».

Я нахожу ферму Грибли

На следующий день я попрощался с Биллом, и когда выходил, обогретый и сытый, на дорогу, он закричал мне:

— Увидимся вечером. Задняя дверь будет открыта, если понадобится крыша над головой.

Я ответил:

— Хорошо.

Но точно знал, что больше не увижу Билла. Я научился разводить огонь, и это было моим оружием. С огнем я завоюю Катскильские горы.

И я также знал, как ловить рыбу. Рыбачить и разводить огонь. Я думал, что только это мне и нужно.

Благодаря трем утренним поездкам я добрался до Дели. Где-то здесь был бук прадеда с вырезанной на нем фамилией Грибли. Это я знал из рассказов папы. К шести часам я все еще не нашел никого, кто что-либо слышал о Грибли, тем более о буке Грибли, поэтому я решил поспать на крыльце школы и съесть шоколадку на ужин. Было холодно, но я так устал, что мог заснуть и в тоннеле, который пронизывает ветер.

На рассвете я всерьез задумался: где бы мне узнать о ферме Грибли? Из какой-нибудь старой карты. Где найти старую карту? В библиотеке? Возможно. Попробую поискать там.

Библиотекарь очень мне помогла. Она была молода, с каштановыми волосами и карими глазами и любила книги так же, как и я.

Библиотека открывалась в десять тридцать. Я был там в девять.

После того как я пятнадцать или двадцать минут ходил взад-вперед и в итоге уселся на ступеньки, дверь открылась, и эта высокая девушка попросила меня войти и подождать открытия внутри.

Все, что я ей сказал, — это то, что хочу найти старую ферму Грибли и что они не жили на ней уже более сотни лет. Девушка вышла. Когда я думаю о ней, я все еще слышу стук ее каблуков, представляю, как она ходит вдоль полок, ища старые карты, книги по истории Катскильских гор, подшивки писем и документы, которые нашли на чердаках Дели.

Мисс Тернер — так звали девушку — нашла ферму. Она обнаружила ее в старой книге о графстве Делавер.

Потом она проложила к ней дорогу, нарисовала мне карту. Наконец мисс Тернер спросила:

— Зачем тебе это знать? Для проекта в школе?

— О нет, мисс Тернер, я хочу жить там.

— Но, Сэм, там теперь лишь лес. От дома наверняка остался лишь фундамент, покрытый мхом.

— Именно этого я и хочу. Я собираюсь ловить зверей, есть орехи, луковицы и ягоды и построить себе дом. Видите ли, я Сэм Грибли, и я решил, что хочу жить на ферме своего прадеда.

Мисс Тернер была единственным человеком, который мне поверил. Она улыбнулась, откинулась в своем кресле и сказала:

— Что ж, посмотрим.

Библиотека только открывалась, когда я собрал свои заметки и отправился в путь.

Когда я подошел к двери, мисс Тернер наклонилась ко мне со словами:

— Сэм, у нас есть много хороших книг о растениях, деревьях и животных на случай, если они тебе понадобятся.

Я понял, к чему она клонит, поэтому сказал, что обязательно это учту.

С помощью карты мисс Тернер я нашел первую каменную стену, обозначавшую ферму. Старые дороги к ней заросли и практически исчезли, но, определив местоположение ручья у подножия горы, я смог начать путешествие, пройдя около полутора километров на север. Там, затерявшись среди валунов, лежала груда камней, когда-то бывшая забором фермы моего прадеда.

Мне не верилось, что я нахожусь на ферме. Я долго сидел на старых серых камнях, глядя на лес, на крутую гору, говоря себе: «Сейчас, должно быть, воскресный день, идет дождь, и папа пытается утихомирить нас рассказами о ферме прадеда; он рассказывает так подробно, что я практически вижу ее».

А потом я сказал:

— Нет. Я здесь, потому что никогда не был так голоден прежде.

Я хотел добежать до библиотеки и рассказать мисс Тернер о том, что нашел ферму. Отчасти потому что она была бы рада это узнать, отчасти потому что вспомнил папины слова: «Если найдешь место, скажи кому-нибудь в Дели. Я, может, как-нибудь тебя навещу». Конечно, он шутил, потому что был уверен в том, что я вернусь на следующий день, но через несколько недель, может быть, он понял, что я сдержал свое слово и на самом деле захотел бы меня увидеть.

Однако я был слишком голоден, чтобы возвращаться. Я взял самодельную удочку и вернулся к ручью у подножия горы.

Мне попалась большая зубатка. В приподнятом настроении я обратно перелез через каменную стену.

Смеркалось, поэтому я не пытался осмотреться и сразу же приступил к разведению костра.

Решил, что даже если у меня не останется времени, чтобы нарезать ветвей для ночлега, я приготовлю рыбу на огне, который будет согревать меня в прохладные ночные часы. Май не из самых теплых месяцев в Катскильских горах.

При свете пламени я написал следующее:

«Дорогой Билл (это был тот старичок)!

С третьего раза мне удалось подкинуть пригоршню сухой травы к тлеющему труту. Трава

даже лучше еловых иголок, завтра я попробую кору березы, растущей у реки. Где-то я читал, что в ней содержится горючее, которое использовали индейцы для добывания огня. Так или иначе, я сделал все так, как вы мне показали, и приготовил на ужин зубатку. Было вкусно. Ваш друг, Сэм»

Дописав последнюю строчку, я вспомнил, что не знаю фамилии старичка, поэтому сунул письмо в карман, сделал себе кровать из веток и листьев в выемке каменной стены и тут же заснул.

Я должен рассказать об этом первом костре. Он был волшебным. Из мертвого трута, травы и веточек появилось живое согревающее пламя. Костер трещал, щелкал, дымился и наполнял лес теплом и светом. Он осветил деревья и сделал их по-домашнему уютными. Пламя было высоким и ярким. Оно отгоняло темноту. О, эта ночь была не похожа на ту первую, внушающую страх, которую я провел в темноте. К тому же я досыта наелся зубатки. С тех пор я стал лучше ее готовить, но никогда больше не ел такой вкусной еды и никогда уже не чувствовал себя настолько независимым.

Я нахожу много полезных растений

На следующее утро я проснулся, потянулся и осмотрелся, с деревьев слетали птицы, маленькие поющие птахи перелетали и прыгали с ветки на ветку.

— Должно быть, певчие птицы мигрируют, — сказал я и засмеялся, потому что вокруг их было очень много. Никогда раньше я столько не видел. Мой громкий смех прокатился по лесу, голоса птиц, казалось, вторили ему.

Птахи ели. Три или четыре из них, расположившиеся на клене рядом со мной, прыгали по ветке и ловили что-то вкусное на дереве. Я задумался, есть ли здесь что-нибудь съедобное для голодного мальчика. Я потянул за ветку, и все, что увидел, — это листья, побеги и цветы. Я съел цветок. Не очень вкусно. В одной из прочитанных книг говорилось о том, что нужно наблюдать за тем, что едят птицы и животные, чтобы понять, что в лесу съедобно, а что — нет. Если живое существо ест что-то, то людям это тоже можно. В книге также предполагалось, что, скорее всего, предпочтения енота примерно схожи с нашими. Конечно, птицы не были образцом для подражания.

Потом я подумал, что, наверное, они едят то, чего мне не видно, к примеру, крошечных насекомых. В любом случае, что бы это ни было, я решил поймать для себя рыбы. Взяв бечевку и крючок, я спустился к ручью.

Я прилег на бревно и закинул удочку в прозрачную воду. Не клевало. Голод становился сильнее. В животе урчало. Знаете, когда очень хочешь есть, действительно становится больно.

Предполагается, что в ручье полно еды. Это самое простое место для того, чтобы добыть много еды при малом количестве времени. Мне нужно было что-нибудь поесть и немедленно, но что? Заглянув в ручей, я увидел в иле следы мидий. Я обошел бревно, вернулся на берег, разделся и прыгнул в ледяную воду.

Я быстро собрал кучу мидий и начал заворачивать их в свитер, чтобы отнести в свой лагерь.

«Но мне ведь никуда не нужно их нести, — подумал я. — Огонь у меня в кармане, стол мне не требуется. Я могу сесть и поесть прямо здесь, у ручья». Так и поступил. Я завернул мидий в

листья и приготовил их на углях. Они не так хороши, как ракушки — я бы сказал, мидии обладают достаточно специфическим вкусом, — но, съев три, я забыл, каковы ракушки на вкус, и знал лишь то, как приятны свежие мидии. Наконец я наелся.

Вернувшись на ферму прадеда и начал все осматривать. Большую площадь занимали клены и буки, чуть меньшую — ели, кизил. Тут и там рос роскошный гикори. Я сделал набросок фермы на своей карте и пометил крестиками места, где рос гикори.

Для меня это были золотые деревья. Осенью у меня будут орехи. Из побегов гикори можно сделать соль. Я срезал один и мелко покрошил ножом. Потом я сложил все в свитер.

Земля была неровной, уходила то вверх, то вниз, и я задумался о том, как вообще прадед ее обрабатывал. Через ферму бежал ручей, которому я обрадовался, потому что это означало, что мне не придется спускаться к подножию горы к запруде для того, чтобы поймать рыбы или набрать воды.

Около полудня я наткнулся на то, что было фундаментом дома. Мисс Тернер была права. Остались одни руины: несколько камней по периметру, некая пародия на подвал, а деревья росли прямо там, где раньше была гостиная. Я прогуливался, изучая, что еще осталось от дома Грибли.

Через некоторое время я нашел яблоню. Поспешил к ней, надеясь найти зрелое яблоко. Под деревом яблок не оказалось. Однако в полуметре от него я нашел высушенное яблоко в стволе другого дерева; туда его спрятала белка и забыла. Я съел его. Было невкусно, но, надеялся, питательно. Я нашел еще одну яблоню и три грецких ореха. Их тоже отметил на карте. Находки были чудесны.

Я прошелся по фундаменту в надежде обнаружить старые железные орудия труда, которые я мог бы использовать. Но ничего не было.

Слишком много листьев упало и сгнило, слишком много деревьев выросло и умерло над старым домом. Я решил вернуться, когда сделаю себе лопату. Свистя, ища еду и место для ночлега, я поднялся в гору вдоль каменной стены и узнал много нового о своей собственности. Я набрел на болото. Там рос розог и аронник — полезные питательные растения.

После полудня я обнаружил в горах луг. В центре его стоял огромный валун. На противоположном конце луга росли белые березы. На западе были клены и дубы, а справа от меня возвышался тсуговый лес, в который я и отправился по мягкой траве.

Никогда, никогда прежде я не видел таких деревьев. Они были огромны — старые, старые гиганты. Им наверняка столько же лет, сколько и всему миру.

Я начал ходить по лесу. Я не слышал своих шагов, настолько плотным покровом легли опавшие иглы. Среди деревьев были огромные валуны, поросшие травами и мхами. Они казались малюсенькими камешками по сравнению с этими деревьями.

Когда я стоял перед самым старым, большим и величественным деревом, мне в голову пришла мысль.

Старое, старое дерево

Летом Катскильские горы полны людей. Хотя ферма прадеда и была чуть поодаль, туристы,

охотники и рыболовы слонялись около нее.

А я мечтал о доме, который не будет видно. Люди наверняка захотят отвести меня домой, если найдут.

Я смотрел на это дерево. Каким-то образом я знал, что оно могло стать домом, но не понимал, как приспособить его под дом. Ветки росли высоко, поэтому о доме на дереве не могло идти и речи.

Я мог сделать углубление в коре, но смотрелось бы глупо. Я начал медленно обходить огромный ствол, сделал несколько шагов, и мне стало все предельно ясно. На западе, между двух выступов, которые на самом деле были корнями, располагалось углубление. Сердцевина дерева гнила. Я выскреб руками старую гнилую, кишашую насекомыми труху. Я копал, время от времени помогая себе топором; мое волнение все росло.

Вынув большую часть трухи, я смог залезть в дерево и сесть там, скрестив ноги. Внутри я чувствовал себя так же комфортно, как и черепаха в своем панцире. Я махал и махал топором до тех пор, пока не устал и не проголодался. Теперь я наткнулся на твердую древесину, колоть ее было трудно. Я боялся, что декабрь настанет до того, как я успею сделать дыру, пригодную для сна. Я сел и задумался.

Знаете, в эти первые дни все получалось не так, как хотелось. Я начал строить дом, но мне нечего было есть, я трудился так упорно, что с трудом передвигался в поисках пищи. Более того, наесться мне было сложно. Я никогда не был сыт, а поиск еды отнимал время, голод усиливался.

Поиски места для отдыха так же отнимали время, и я еще больше уставал. Я чувствовал, что хожу по замкнутому кругу. Как первобытный человек находил время и силы на то, чтобы перестать искать еду и задуматься об огне и орудиях труда.

Я оставил дерево и пересек луг в поисках еды. Выйдя в лес, я обнаружил ущелье и прозрачный водопад, который по черным камням ниспадал в бассейн.

Мне было жарко, и я был грязным. Я спустился по камням и залез в воду. От холода я закричал. Но когда я вылез на берег и надел две пары брюк и три свитера, что считал лучшим способом ношения одежды, чем в рюкзаке, я задрожал, согрелся, и настроение мое улучшилось. Подпрыгнул, поскользнулся и упал носом в кандык.

Вы узнаете это растение где угодно после того, как несколько раз посмотрите на него в ботаническом саду и в учебниках по ботанике. Оно представляет собой маленькую желтую лилию на длинном тонком стебле с овальными листьями в серую крапинку. Но это еще не все. У них очень вкусные луковицы. Я туго набил ими карманы, перед тем как подняться после падения. «У меня будет салат на обед», — подумал я, когда поднимался по крутым склонам ущелья. Я заметил, что поздно, но все еще цветет клинтона на холодных опушках лесов.

Ее можно есть сырой, если вы так же голодны, как и я. На вкус как лимская фасоль. Я поел клинтона и продолжил поиски пищи, чувствуя себя все лучше и лучше, до тех пор, пока не вернулся на луг, где цвели одуванчики. Забавно, что я не заметил их раньше. Их побеги вкусны, как и корни — несколько сильный молочный вкус, но к нему можно привыкнуть.

Ворон беззвучно влетел в осиновую рощу. Мои скудные знания о воронах, исходя из наблюдений за ними в Центральном парке, заключаются в том, что им всегда есть что сказать. Но эта птица была молчалива. Она старалась не произвести ни звука. Птицы — вкусная еда.

Ворон — определенно не самая лучшая, но я тогда этого не знал. Поэтому отправился посмотреть, куда он полетел. У меня был смутный план того, как его поймать. Именно на это я и тратил время все эти дни, а оно было так важно. Однако это рискованное предприятие так и не стало реальностью, поэтому мне не пришлось ловить птицу.

Я вошел в лес, осмотрелся, не увидел ворона, но заметил гнездо на одной из елей. Я полез на дерево. С него слетел ворон. Что заставило меня лезть дальше, видя, что добыча улетела, я не знаю, но в тот день на обед у меня был дикий салат и яйца ворона. За обедом я также решил, как поступить с деревом.

После некоторых усилий я развел костер. Затем я сшил из капустного листа и травинок чашку. Я читал, что в листе можно вскипятить воду. С тех пор очень хотел проверить это на практике. Кажется невозможным, но это действительно так, Я сварил в листе яйца. Благодаря воде он остается влажным, и, хотя верхние края сохнут и подгорают до уровня воды, этого достаточно. Мне было приятно видеть, что все на самом деле правда.

А потом случилось вот что. Естественно, на приготовление еды ушло много времени. Я ненадолго продвинулся со строительством жилища, поэтому тушил и затапывал костер, когда вдруг задержал ногу в воздухе.

Огонь! Индейцы изготавливали каноэ с помощью огня. Они выжигали их. Это было самым легким и при этом быстрым способом. Я же могу попробовать развести огонь в дереве. Если буду очень аккуратен, то, возможно, у меня все получится. Я забежал в тсуговый лес с горячей палкой и развел огонь в дереве.

Подумав о том, что мне стоит иметь под рукой емкость с водой на случай, если все пойдет не так, я отчаянно оглянулся по сторонам. Вода была за лугом в ущелье. Так не пойдет. Я начал думать, что вся эта затея с домом в дереве была не лучшей идеей. У меня на самом деле не было воды для приготовления пищи и питья. Я грустно взглянул на великолепную тсугу и собирался потушить огонь, когда вспомнил вот что. Должно быть, я прочитал это в какой-нибудь книге: «Тсуги растут рядом с горными источниками и ручьями».

Я круто развернулся. Вокруг меня везде были валуны. Но я заметил, что воздух был кое-где влажным, и помчался между камней, вглядываясь, вынюхивая, выискивая, заглядывая в ущелья и долины. Воды нигде не было. Я ходил кругами, пока чуть не упал в нее. Два подводных камня, мокрые, украшенные цветами, папоротниками, мхами, травами — всем, что любит воду; охраняли источник размером с ванну.

— Какая прелесть, — сказал я, хлопнулся на живот, опустил лицо в воду и открыл глаза. Вода была прозрачной, как стекло, со множеством маленьких водоплавающих насекомых. Они торопились отплыть от меня. Жуки как пули летали над поверхностью или несли серебряный пузырек воздуха на дно. Ха, а потом я увидел рака.

Я вскочил, перевернул несколько камней и нашел много раков. Сначала я сомневался в том, брать ли мне их, потому что они могут больно ущипнуть. Но подумав о том, как больно быть голодным, приступил к делу. Меня немного пощипали, но при этом у меня был ужин. В первый раз я что-то предусмотрел! Любая задумка, которая появлялась у меня в те первые дни, была так удивительна и казалась таким успехом, что я был в восторге от исполнения даже самой ничтожной. Я завернул раков в листья, запихнул их в карманы и вернулся к горящему дереву.

«Емкость с водой», — подумал я. Емкость с водой? Где же мне ее найти?

Воду я нашел, но как мне донести ее до дерева? Вот насколько урбанизирован я был в те дни. Прежде емкость можно было найти на кухне.

— Что ж, грязь так же хороша, как и вода, — говорил я, мчась к своему дереву. — Я могу погасить пламя грязью.

Следующие дни прошли за работой, выжиганием, вырезанием, собиранием еды, каждый день я делал зарубку на осиновой жерди, воткнутой в землю, которую я использовал в качестве календаря.

Я встречаю себе подобного и с трудом от него отделяюсь

В июне мой дом был готов. Я мог стоять и лежать в нем, и еще оставалось место для пня, на котором можно было сидеть. Теплыми вечерами я лежал на животе, смотрел на дверь, слушал лягушек и сов и надеялся, что пойдет дождь, а я смогу залезть в дерево и не промокнуть. Пару раз во время майских ливней я порядочно промок, а теперь, когда мой дом был готов, я ждал возможности сидя в тсуге наблюдать, как мокнет все, кроме меня. Долго мне не предоставлялось такого шанса. Дождя не было.

Однажды утром на краю луга я срезал ветки ясеня около полуметра длиной. Они были заготовкой для моей кровати, над которой я планировал работать каждый вечер после ужина.

На небе светило солнце, с едой проблем не было, поэтому после ужина у меня оставалось несколько часов свободного времени. Я ел лягушачью икру, черепах, и иногда, когда везло, мне попадался кролик. Я расставил сети и ловушки. Более того, у меня был приличный запас корней рогоза, которые я выкопал на болоте. Если вы когда-либо ели рогоз, удостоверьтесь, что хорошо его приготовили, в противном случае будет трудно жевать волокна, поэтому они будут вовсе не питательными. Рогоз на вкус похож на картофель. Я питался им несколько недель, и мне нравилось.

Что ж, как бы то ни было, летним утром я собирал материал для кровати, пел, срезал ветки и играл с енотом, с которым познакомился в лесу. Он только что забрался в дупло дерева и уснул, когда я пришел на луг. Время от времени я постукивал по дереву топором. Он высовывал свою заспанную мордочку, ворчал на меня, закрывал глаза и скрывался из виду.

В третий раз, когда я сделал это, понял, что в лесу что-то происходит. Вместо того чтобы закрыть глаза, он наострил уши, выражение его мордочки стало резким и напряженным. Он пристально смотрел на что-то у подножия горы. Я всмотрелся в даль. Но ничего не увидел.

Я присел и вернулся к работе. Енот пропал из виду.

— Что же тебя так взволновало? — спросил я и еще раз попытался увидеть то, что высмотрел он.

Я закончил вырезать столбики для кровати и искал большой ясень, чтобы срубить его и сделать мосток у ручья, когда чуть не выпрыгнул из ботинок.

— И что же ты делаешь здесь один? — раздался человеческий голос.

Я резко обернулся и встретился лицом к лицу со старушкой в бледно-голубой шляпке и просторном коричневом платье.

— О, Боже! — сказал я. — Не пугайте меня так. Говорите по одному слову, пока я не привыкну к человеческому голосу.

Должно быть, я выглядел испуганным, потому что она усмехнулась, разгладила платье и прошептала:

— Ты потерялся?

— О, нет, мэм, — запинаясь, ответил я.

— Тогда маленькому мальчику не стоит оставаться одному в горах, населенных призраками.

— Призраками? — переспросил я.

— Ну да. Бытует старая легенда о маленьких человечках, которые играют в кегли в ущелье в сумерках.

Она посмотрела на меня.

— Ты один из них?

— О, нет-нет-нет, — сказал я. — Я читал эту историю. Это всего лишь сказки. Я засмеялся, а она наморщила лоб.

— Ну, пойдем, — сказала она. — Займешься делом и поможешь мне набрать корзину земляники.

Я колебался — она имела в виду мои запасы земляники.

— Ну же, соберись. Мальчик твоего возраста должен заниматься чем-то полезным вместо того, чтобы играть с палочками. Пойдемте, молодой человек.

И она потащила меня на луг.

Некоторое время мы работали в тишине. Честно говоря, я думал о том, как спасти мою драгоценную землянику, поэтому собирал ее медленно. Каждый раз, когда я клал ягоду в ее корзину, я думал о том, какая же она вкусная.

— Где ты живешь?

Я вздрогнул. Ужасно непривычно слышать голос после того, как неделями слушал птиц и енотов, а кроме этого, странно слышать именно этот вопрос.

— Я живу здесь, — ответил я.

— Ты имеешь в виду Дели. Хорошо. Можешь проводить меня домой.

Я так и не переубедил ее. Она была твердо уверена в том, что я живу в Дели. Ну и пусть.

Должно быть, мы сорвали все ягоды перед тем, как она встала, взяла меня за руку и повела к подножию горы. Определенно не я ее провожал. Узловатые ручки старушки схватили меня, как клешни краба. Я не смог бы вырваться, даже если бы и попробовал. Поэтому я покорно шел и слушал.

Она рассказала мне все местные новости. Довольно приятно было слышать о национальной лиге, испытаниях атомной бомбы и о том, что трехногая собака мистера Райли ворует ее цыплят. Помимо этого она сказала:

— Это лучшая земляничная поляна в Катскильских горах. Я прихожу сюда каждую весну. Сорок лет я ходила на этот луг за земляникой. С каждым годом становится все труднее, но нет лучше джема, приготовленного из земляники, собранной на этой горе. Я точно знаю. Я

живу здесь с рождения.

Потом она без промедления перешла к рассказу о «Нью-Йорк Янки».

Когда я помогал ей перейти ручей вброд, я услышал в небе крик. Я поднял голову. Высоко в небе парила большая птица. Я был очарован легкостью и величавостью ее полета.

— Болотный лунь, — сказала старушка.

— Гнездится здесь каждый год. Мой муж раньше охотился на них. Он говорит, что они воруют цыплят, но я не верю. Единственная, кто убивает цыплят, — это трехногая собака мистера Райли.

Она горбилась и качалась, идя по камням, но болтала не переставая и шагала так, будто знала, что несмотря ни на что все будет отлично.

Наконец мы подошли к дороге. Я почти не слушал старушку. Я думал о болотном луне. Эта птица королевской охоты.

— Я раздобуду ее себе. Научу ее охотиться для меня, — подумал я.

Наконец я доставил старушку к ее коричневому домику на окраине города и намеревался уйти.

Она яростно повернулась ко мне.

— Куда вы направляетесь, молодой человек?

Я остановился. Теперь, подумал я, она потащит меня в город. В город? Что ж, туда я и отправлюсь. Я повернулся, улыбнулся ей и ответил:

— В библиотеку.

Кормилец короля

Мисс Тернер была рада меня видеть. Я спросил у нее книжки о ястребах и соколах, она нашла несколько, по этой теме было мало литературы. Мы проработали весь день, я многое почерпнул. Я ушел, когда библиотека закрылась. Перед моим уходом мисс Тернер прошептала мне:

— Сэм, тебе нужно подстричься.

Я долго не видел себя и даже не задумывался, как я выгляжу:

— Ой, а у меня ножниц-то нет.

Она на минуту задумалась, достала библиотечные ножницы и усадила меня на ступеньки заднего входа. После стрижки я стал выглядеть, как любой другой мальчик, который целый день играл и который, приняв душ после ужина, отправится в кровать в обычном доме.

В тот день я не вернулся в свое дерево. Созрели майские яблоки, я наелся их по дороге в лес. По вкусу они напоминают сладкие бананы, землистые и немного скользкие. Но мне понравились.

В ручье я поймал форель. Все думают, что поймать ее без всяких затейливых приспособлений, поплавков и удочек, которые сейчас продают, очень сложно, но, честно говоря, форель даже проще выловить, чем любую другую рыбу. У нее большой рот, она хватает и заглатывает им все, что видит, когда голодна. Форель попала на мой деревянный крючок. Проблема в том, что форель не голодна тогда, когда у большинства людей есть время ловить рыбу. Тем вечером я знал, что рыба голодна, потому что речка бурлила, разные мелкие рыбешки выпрыгивали из воды. Когда вы такое наблюдаете — вперед, на рыбалку. Они у вас на крючке.

На плоском валуне у ручья я развёл костер и приготовил свой улов. Сделал это прямо у реки, чтобы наблюдать за небом. Я надеялся вновь увидеть сокола. Я также насадил голову форели на крючок и забросил его в воду. Ищущая легкой добычи черепаха увидит приманку.

Я терпеливо ждал сокола. Мне не пришлось никуда идти. Через час или около того я был награжден.

Из долины появилось узкое пятно и проплыло над ручьем. Я был все еще далеко, когда птица расправила крылья и камнем упала на землю. Я наблюдал. Она поднялась в небо, неуклюжая, большая — несла еду — и скрылась в долине.

Я бегом спустился к ручью и заметил те скалы, за которыми, как полагал, скрылась птица. Поняв, что болотные луны предпочитают гнездиться на скалах, я заночевал прямо там.

На следующее утро я рано встал и накопал клубней аронника, росшего вдоль берега реки. Я запек их и сварил мидий на завтрак, а затем спрятался в ивняке и стал наблюдать.

Соколы появились прямо передо мной и начали кружить над ручьем. Очевидно, они охотились уже до того, как я проснулся, потому что возвращались они с едой. Это меня взволновало. Они кормили птенцов, и значит, я был рядом с гнездом.

Я увидел, как один из них влетел в углубление скалы и исчез. Через несколько минут он вылетел уже без еды. Я заметил место.

Перейдя вброд ручей, я стоял у подножия скалы и думал о том, как же залезу по ней.

Я очень сильно хотел приручить сокола. Напряг руки и ноги и начал подниматься. Сначала все получалось: скала была не такой отвесной. Когда я понял, что карабкаться дальше некуда, то нашел маленький уступ и ухватился за него. Я поднялся уже высоко, и, когда посмотрел вниз, голова закружилась. Я решил больше так не делать. Дотянувшись до следующего уступа, прилег, чтобы перевести дух. Тело дрожало от напряжения и усталости.

Я посмотрел вверх, чтобы понять, сколько еще мне осталось, но вдруг моя рука дотронулась до чего-то влажного. Отдернув ее, я увидел, что она была белой от птичьего помета. А потом я заметил их. Практически рядом с моей рукой сидели три маленьких пушистых бело-серых птенца. Их широко открытые рты придавали им удивленный вид.

— О, привет, привет, — сказал я. — Вы милые.

Когда я говорил, все трое одновременно моргали. Все три головы птенцов повернулись и следили за моей рукой, когда я поднял ее и протянул к ним. Они смотрели на мою руку с открытыми ртами. Я улыбнулся. Но никак не мог до них дотянуться.

Я пополз вперед, и — бум! — что-то ударило меня по плечу. Выло больно. Я оглянулся и увидел большую самку. Птица отлетела, застыла в воздухе и ринулась вперед для следующего удара.

Теперь мне стало страшно. Я был уверен, что она забьет меня до смерти. Вдруг я напрягся,

встал, сделал шаг вперед и взял самую большого из птенцов. Самки больше самцов. Они — то самые соколы. Они — гордость королей. Я сунул птенца за пазуху и перегнулся с утеса, лицом встретившись с соколом, летевшим со скоростью пули. Когда он ринулся на меня, я выставил вперед ногу, и подошва моей теннисной туфли приняла удар на себя. Самка вновь набирала скорость для следующего удара. Когда я говорю скорость, то подразумеваю 80–100 километров в час. Я представлял себя, избитого и растерзанного, лежащим в долине внизу и сказал себе:

— Сэм Грибли, лучше тебе бежать отсюда быстрее кролика.

Я спрыгнул на нижний уступ, а потом съехал на штанах на следующий, затем остановился. Очевидно, сокол не умел считать. Она не знала, что детеныш у меня. Она проверила гнездо, увидела открытые рты и забыла обо мне.

Я каким-то образом добрался до русла реки, стараясь не повредить горячее пушистое тельце. Однако Внушающая Страх, как я назвал ее тогда из-за трудностей, возникших при нашей встрече, меня вовсе не жалела. Она впилась когтями в мою кожу, чтобы держаться.

Я доковылял до ручья, положил ее в гнездо из лютиков и устроился рядом с ней. Я заснул.

Проснувшись, я увидел два серых глаза и белую круглую голову. Маленькие перья торчали из макушки наподобие индейского головного убора. Большой синий клюв закручивался в улыбку.

— О, Внушающая Страх, — сказал я. — Ты такая красавица.

Внушающая Страх подняла перья и встряхнулась.

Я взял ее, прижал к груди и зарылся носом в теплые пушистые перья. Пахло пылью и чем-то сладким.

Я полюбил эту птицу. О, как же она понравилась мне с той самой минуты. Было так приятно оглушать биение сердца и видеть забавные неуклюжие движения птенца.

Лапы провалились сквозь мои пальцы, я собрал их вместе с трепещущими крыльями и прижал птицу к груди. Я ликовал.

— Внушающая Страх, — сказал я. — Тебе понравится то, чем мы займемся. Я вымыл кровоточащее плечо в запруде, затолкал вырванные нити свитера обратно в дырку и отправился к своему дереву.

Что я сделал, когда увидел первого человека после себя

Уже на краю луга я почувствовал, что в лагере было что-то не так. Как я понял, что там человек, мне не очень ясно. Могу только сказать, что при жизни с птицами и животными движение человека отличается так же, как выстрел из пистолета с глушителем от пушечной канонады.

Я пополз к лагерю. Увидев человека, я остановился и затаился. На нем была форма лесничего. Я тут же подумал о том, что кто-то прислал его, чтобы меня забрать, и весь затрясся. Потом я понял, что мне необязательно встречаться с этим человеком лицом к лицу. Я был абсолютно спокоен и мог расположиться где угодно. Просто уже привык к своему дереву.

Я обошел луг и спустился в ущелье. По пути я проверил ловушку. Это была западня, В виде четверки под большим камнем. Камень лежал на земле. Попался кролик.

Я выбрал удобное место на краю ущелья, откуда мог время от времени наблюдать за своим деревом. Там я разделал кролика и накормил Внушающую Страх самыми лакомыми с точки зрения птенца сокола кусочками: печенью, сердцем, мозгами. Она заглатывала еду большими кусками. Когда я смотрел, как она ест, то чувствовал удовлетворение. Трудно описать ощущения, которые я испытывал в тот момент. Казалось замечательным видеть бьющуюся жизнь в этом маленьком пучке перьев, бессвязных звуков, молочных глаз — такую же жизнь, как и во мне. Насытившись, птица уснула. Я наблюдал, как ее веки закрываются снизу вверх, и смотрел на ее перья на макушке. Ее пушистое тело раскачивалось, хвост распушился, и маленький болотный лунь облегченно вздохнул, когда засыпая, опустился на листья.

У меня было полно времени. Я собрался подождать, когда человек уйдет. Поэтому я смотрел на птицу, рассматривал ее перья, длинные ресницы на веках, грубую щетинку у основания клюва. Летели счастливые часы.

Внушающая Страх просыпалась, я кормил ее, она вновь засыпала. Я смотрел на то, как от дыхания едва колыхнется ее тело. Я дышал так же, как она, но не так часто. Ее сердце билось быстрее моего. Ее тело было создано для стремительной жизни.

Наконец, я понял, что голоден. Я поднялся посмотреть, ушел ли человек. Он зевал на ходу.

В лучах солнца я смог хорошенько его рассмотреть. Он был из пожарной охраны. Конечно, дождя не было уже три недели, и пожарные самолеты кружили над горами и долинами, патрулируя местность. Очевидно, они заметили дым от моего костра и прислали сюда этого человека с проверкой. Я вспомнил голую утоптанную землю около дерева, очаг из камней, полным золы, щепки, оставшиеся от кровати, и с тех пор решил содержать лагерь в чистоте.

Я приготовил суп из кролика в банке, которую нашел на дне ущелья, приправив его чесноком и корнями ариземы.

У ариземы три больших листа на стебле, ее легко узнать по загнутой полосатой крышечке над каждым.

Корни ариземы, или клубнелуковицы, на вкус как картофель. Это растение нельзя есть сырым.

Я развел костер из сухих веточек прямо у самой воды. Именно в этот вечер мне не нужно было много дыма.

После ужина я сделал навес из веток и лег рядом с Внушающей Страх. Очевидно, что чем больше гладить и заботиться о соколе, тем легче его приручить.

У меня было много задумок колпачков и опутинок, так называется снаряжение сокола, поэтому вскоре я забыл о человеке.

Я лежал на ветках, слушал лесных тираннов, говорящих друг другу «спокойной ночи», пока не заснул.

Я учусь приправлять пищу

Пожарный ночью развел костер. На рассвете он спал рядом с едва горящими углями. Я прокрался обратно в ущелье, покормил Внушающую Страх остатками кролика и побежал на окраину луга, чтобы проверить ловушку, поставленную позавчера. Я сделал ее, привязав к полуму бревну маленькие палочки. Эта ловушка была лучше остальных. В нее попало несметное количество кроликов., несколько белок и сурок.

Подойдя к ней, я увидел, что она закрыта. Вид закрытой ловушки волнует меня и по сей день.

Я все еще не могу поверить, что животные не понимают, почему такая вкусная еда лежит в таком неподходящем месте. Этим утром я оттащил ловушку в лес, чтобы открыть ее. Пойманный зверек был легким. Я не мог понять, кто попался. Зверек был беспокоен, он кидался из одного угла ловушки в другой. Я заглянул в силочку, чтобы понять, где он, и схватить за шкурку не боясь быть укушенным. У меня не всегда это получалось, и в качестве доказательства остались шрамы.

Я заглянул в трещину. Зверек завозился. Внутри блестели два ярких глаза, и в дыре не шире стручка фасоли показалась ласка. Она прыгнула на меня, вскочила на плечо, задала мне такую трепку, которую я никогда не забуду, и скрылась в скудных зарослях триллиума и листьев волчьей стопы.

Она выглянула на расстоянии полутора метров от меня и поднялась на задних лапах, чтобы напасть вновь. Я крикнул: «брысь!», но зверек ринулся к моему колену, положил мохнатые лапы на мои штаны и заглянул мне в лицо. Никогда не забуду страх и удивление, которые я испытывал; видя храбрость этой ласки. Она твердо стояла на лапах и ругала меня. По блеску ее глаз и искривленной губе я видел, что она злилась на меня за то, что я ее поймал. Зверек не умел говорить, но я знал, что он имеет в виду.

Я очень удивился, когда понял, что он абсолютно меня не боится. Ни одно животное, я до сих пор знаю мало, не вело себя так храбро в моем присутствии. Визжа, ласка прыгнула на меня. Это удивило и испугало. Она вскочила с моих колен на голову, взяла прядь волос и начала ее трепать. Я весь покраснел. Она поняла, что я не собираюсь с ней бороться, и ее вопль ярости сменился спокойным мурлыканьем. Я все еще не мог пошевелиться.

Через некоторое время она спустилась величаво, как король, и ушла не оглядываясь. Зверек скрылся в листьях, как рыба в воде. Ни травинки не пригнулось от его шага.

Эта встреча с Бароном стала началом изнуряющей, но прекрасной дружбы. Внушающая Страх наблюдала за нами. Она напряглась от страха. Маленькая и неопытная, она поняла, что это был враг. Я взял ее на руки и прошептал в перья на шее.

— Вы, дикие, все понимаете.

Так как я не мог пойти домой, то решил провести весь день на западной стороне горы. Там было много лягушек и рогоза.

Внушающая Страх балансировала на моем кулаке, когда мы шли. Она научилась этому всего за один день и ночь. Она очень умная.

По пути мы спугнули оленя. Это была самка. Я смотрел, как она грациозно убегает, и сказал Внушающей Страх:

— Вот чего я хочу. Мне в дом нужна дверь, привязь для тебя и одеяло для меня.

Как же мне поймать оленя?

Я говорил об этом уже не первый раз. В лесу было полно оленей, и я уже нарисовал планы

ловушек разных видов. Но ни одна не сработала.

День прошел. Ранним вечером мы подкрались к дому дерево за деревом, и обнаружили, что пожарный ушел. Я убрался во дворе, присыпал иглами голую землю и развел костер из сухих веток, которые несильно дымились. Больше никаких пожарных. Мне нравилось мое дерево, и хотя я мог найти для себя другое место, я определенно этого не хотел.

Вновь очутившись дома, я тут же приступил к работе. Я хотел кое-что опробовать.

Положив в банку несколько веточек гикори, поставил их вариться во время ужина. Перед тем как лечь спать, написал на куске березовой коры:

«Этим вечером я делаю соль. Я знаю, что раньше люди обходились без нее, но думаю, что пища с ней будет вкуснее. Я знаю, что от варки веточек гикори остается соленый осадок. Попробую».

Утром дописал:

«Это и вправду так. Банка сухая, в ней осталось темное вещество. Оно очень соленое. Я попробовал посыпать им лягушачью икру на завтрак. Получилось то, что нужно».

Несколько дней я продолжал делать соль, а в дереве сделал нишу для ее хранения.

«19 июня

Сегодня я закончил делать кровать. Доски из ясеня довольно упруги и удобны.

Кровать как раз занимает правую половину дерева. Пока я положил на кровать ветки тсуги, но вскоре надеюсь раздобыть оленью шкуру. Я делаю ловушку в виде большой, с меня ростом, цифры четыре наверху у нее будет тяжелый камень, который я еле-еле поднимаю. Но мне кажется, что она не сработает. Жаль, что я не придумал другого способа».

«20 июня

Сегодня я решил вырыть яму, чтобы поймать оленя. Поэтому я вырезаю лопату из доски, найденной утром в ручье. В ручье можно найти много полезного. Я нашел там банки, которые теперь использую как кастрюли, а теперь дубовую доску для лопаты.

Внушающая Страх прыгает с жердочки ко мне на кулак. Она все еще не умеет летать. Перья у нее на крыльях всего лишь около двух сантиметров длиной. Думаю, я ей нравлюсь»

Как у меня появилась дверь

Однажды утром, еще до того, как проснулись тиранны, я коптил рыбу, пойманную в ручье. Когда я ловил больше, чем мог съесть, то очищал рыбу от костей, потом клал ее на решетку из палок и медленно коптил до нужного состояния. Это лучший способ заготавливать оставшуюся пищу. Однако, если решите поступить так же, помните, что дерево должно быть прочным — гикори лучше всего. Сначала я попробовал ветку ели для первой партии и испортил рыбу черным смолистым дымом.

Что ж, утром было тихо, но вдруг я услышал крик. Я спрятался в дереве. Через некоторое время у меня хватило духу выглянуть. — Ласка Барон! — пораженно произнес я. Я был уверен, что это та самая ласка, которую я поймал. Он стоял на валуне перед тсугой и рыл

передними лапами папоротник, время от времени становясь на задние лапы и глядя на меня.

— А теперь стой там, — скомандовал я. Конечно же, он спрыгнул и ринулся ко мне как реактивный самолет. Он уже был у двери, прежде чем я успел его остановить, и прыгал у моих ног, как игрушечный мячик.

— Ты такой счастливый, Барон. Надеюсь, что все эти скачки — проявление радости, — сказал я. Он ухватился за мою штанину зубами, потрепал, а потом потянул меня в сторону валуна. Зверек ловко юркнул в маленькую нору. Потом показался вновь, откусил веточку папоротника и обежал валун. Я пошел за ним, но он словно испарился. Я сунул палку в дырку у основания камня, чтобы раззадорить его. Вдруг я услышал в лесу выстрел, от испуга подпрыгнул, наверное, на метр вверх и быстро спрятался в дереве. Застрекотал сверчок, дрозд прошелестел в листьях. Я ждал. Через минуту, хотя мне казалось, что прошла вечность, на луг выбежало темное пятно. Оно споткнулось и упало.

Мне показалось, что это олень. Не медля ни минуты, я ринулся на окраину луга. Никого не было видно. Я побежал на луг. И что вы думаете, там лежал подстреленный олень! Собрав все силы, я оттащил тяжелое животное в лес. Потом я поспешил к своему дереву схватил ветки тсуги с кровати, кинулся обратно и накрыл ими тушу. В них я воткнул несколько веток папоротника, чтобы они выглядели так, будто растут там давно, и обессиленный вернулся в лагерь.

Я поспешно затоптал костер, забросал его грязью, спрятал решетку для копчения в ручье, схватил Внушающую Страх и залез в дерево.

Я слышал приближающиеся шаги. Выстрел раздался со стороны горы. Я понял, что у меня примерно четыре минуты на то, чтобы убраться до прихода охотника. Потом, когда я спрятался и был готов, Внушающая Страх начала кричать от голода. Тем утром я еще не успел ее покормить. О, как я мог объяснить ей чудовищную необходимость не шуметь? Как мама-сокол предупреждает птенцов об опасности? Я взял ее на руки и погладил по животу. Она начала со мной бороться, а потом замерла, подняв лапы вверх, с горящими глазами. Она напряглась и стихла. Я продолжал ее гладить. Внушающая Страх была очарована. Я на мгновение останавливался, она лежала, а потом вскакивала на ноги. Не думаю, что так ее успокаивала мама, но это сработало.

Кусты затрещали, листья зашуршали, и на луг вышел человек с винтовкой. Я видел лишь его голову и плечи. Он посмотрел по сторонам и отправился в тсуговый лес. Я залез на кровать и начал гладить голодную Внушающую Страх. Я не видел человека с кровати, но отлично его слышал.

Я слышал, как он подошел к дереву. Я видел его ботинки. Он на мгновение остановился у пепла костра, а потом пошел дальше. Я чувствовал, как из свитера выпрыгивает сердце. Меня охватил ужас.

Я провел на кровати все утро, рассказывая маленькому разъяренному комочку перьев о том, что снаружи лежит оленья мясо и ей просто нужно немного подождать. Внизу, с другой стороны горы, раздался еще один выстрел. Я надеялся, что на этот раз олень упадет к ногам охотника и он сразу отправится домой.

В полдень я вышел за добычей. Внушающая Страх сидела рядом со мной, когда я свеживал и разделывал тушу. Она ела оленя, пока ее не раздуло.

Я не записал, сколько у меня времени заняла подготовка оленя к копчению и очистка шкуры для выделки, но на это ушло много-много дней.

Однако когда сел за стейк из оленины, вот тогда я наелся по-настоящему! Я написал

следующее на куске березовой коры:

«Думаю, питаюсь олениной, я вырос на целых два сантиметра!»

Мы с Внушающей Страх, поев, спустились к лугу. На небе появились звезды, сладко пахло травами, я закрыл глаза. Вдруг я услышал: пип-поп-поп-поп.

— Кто может издавать такие звуки? — сонно спросил я Внушающую Страх. Она распушила перья.

Я прислушался. Поп-пип. Я перевернулся и внимательно присмотрелся к траве.

Передо мной что-то блеснуло, в тусклом свете я увидел, как из земли показался червяк.

Рядом вылез еще один, раздался «поп». Маленькие пузырьки воздуха лопались, когда эти безголосые животные земли выползали на поверхность. Я улыбнулся. Я был рад узнать о земляных червях. Не знаю почему, но, казалось, это один из самых замечательных фактов, которых я узнал в лесу — что черви, преданные темной земле, могут расшатать этот мир.

Внушающая Страх учится

Свободное время я проводил очищая мех от шкуры оленя, чтобы подготовить ее к выделке. Я знал одно: чтобы выделать кожу, нужно опустить ее в дубильную кислоту. В лесу ее можно добыть из дуба, но у меня ушло несколько недель на то, чтобы придумать, как ее получить. Нужно замочить много дубовых щепок в воде. Дубовая кора содержит много необходимой мне кислоты. Проблема была не в том, что я не мог достать воды и щепок, а в том, чтобы найти достаточно большую емкость для оленьей шкуры.

Однажды вечером, когда я возвращался домой с ручья, меня осенило.

Позавчера шел дождь, и, когда мы с Внушающей Страх прошли мимо старого пня, я заметил, что в нем собралась вода.

— Пень, дубовый пень, идеально подойдет, — сказал я вслух птице.

Я выкорчевал пень, выжег в нем дыру; принес воды и положил в него оленью шкуру. Я оставил ее там, наверное, дней на пять, а потом вытащил и высушил. Она стала твердой, как доска, и мне пришлось жевать, мять, прыгать и выкручивать ее, чтобы размягчить. Но в результате у меня появилась дверь. Я повесил ее на сучки перед входом и, так как ока была больше, чем нужно, время от времени отрезал куски при необходимости. Я вырезал две тонких полоски для опутинки или веревок на лапы для Внушающей Страх. Все хорошие соколы носят опутинки, чтобы их можно было тренировать.

Я накопил мяса, а которое не смог съесть, убрал. Я использовал все, что мог получить от этого животного. Когда я устал ловить лягушек по методу «прыгай-лови», я заострил две палки и привязал их концы к длинной ветке с разных сторон, получилось подобие вилки.

Она замечательно работала. Лягушки были одним из моих любимых блюд. Я обнаружил, что научился готовить их разными способами. Однако мне больше всего нравился суп по следующему рецепту: «Помыть, снять кожу, отварить до мягкого состояния. Добавить дикий лук, бутоны кувшинок и морковь. Посыпать желудевой мукой. Подавать в черепашьем панцире».

К тому времени мои две пары штанов были все в дырах, а три свитера изнасились.

Я мечтал о костюме из оленьей кожи и имел эту идею в виду.

Поимка оленя досталась мне нелегко. Под бревном я соорудил ловушки в виде четверки, в качестве наживки скатал в шарик ягоды бузины. Они превратились в пюре, и ничего не вышло. Потом я вспомнил, что олени любят соль. Я сделал шарик из соли гикори, скрепив его черепашьим жиром.

Каждый вечер мы с Внушающей Страх, иногда сопровождаемые Бароном, ходили на окраину луга и смотрели на осиновую ловушку, ожидая, что большое бревно упадет. Однажды мы увидели трех оленей, тихо стоявших рядом с ней. Они пытались дотянуться до соли. В тот момент Барон вспрыгнул мне на штанину и укусил меня за лодыжку. Думаю, что ни для кого не будет удивительным тот факт, что от моих штанов и носков практически ничего не осталось. Я закричал, и олени убежали.

Я помчался за Бароном домой. Мне было обидно, что он смеется надо мной на бегу, прыгая, крутясь и петляя.

Барона трудно понять. Что ему от меня было нужно?

Иногда я оставлял ему куски черепахи или оленины, и хотя он чувствовал запах, никогда не брал еду. Ее растаскивали дрозды. Большинство животных крутятся рядом, когда их подкармливаешь. Но Барон ничего не ел. Хотя мне казалось, что я ему нравлюсь. Через некоторое время я понял, что у него не было партнера или семьи. Может, он одинокий холостяк, выбравший себе такую странную компанию, чтобы хоть как-то разнообразить свою жизнь? Что ж, в любом случае Барону я нравился таким, какой есть, и поэтому ценил это. Он был приятным парнем.

Каждый день я занимался с Внушающей Страх. Процесс был долгим. Я сажал ее на насест с длинной привязью, отходил на несколько шагов с угощением в руке. А потом свистел. Свист для нее должен был означать еду. Итак, я свистел, показывал ей мясо, после нескольких неудачных попыток она наконец села ко мне на руку. Я заботился о ней и кормил ее. Она уже довольно хорошо научилась летать, поэтому всегда следил за тем, чтобы она не получала угощения до тех пор, пока не сядет мне на кулак.

Однажды за завтраком я посвистел Внушающей Страх. У меня не было еды, она не была голодна, но все же прилетела ко мне. Я был взволнован. Она усвоила, что свист значит «ко мне». Я заглянул в ее блестящие глаза и подумал, что она все понимает. Когда она села мне на руку, то подняла перья. Я называл это «перьевым общением». Это означало, что она довольна.

Теперь с каждым днем я отходил все дальше и дальше от Внушающей Страх, чтобы она привыкала летать на дальние расстояния. Однажды она пролетела добрые пятнадцать метров. Чтобы отпраздновать это событие мы отправились собирать семена, кору и клубни.

В качестве корзинки я использовал свой старый свитер. Было не слишком удобно, и каждый раз, когда я наполнял его, я мысленно продумывал, какими большими будут карманы на моем костюме из оленьей шкуры.

Лето было чудесным. Пищи было предостаточно. Я собирал провиант большую часть утра, а потом весь день его заготавливая. Теперь я понимал, что мне не хватает места в дереве для того количества еды, которое понадобится мне зимой, поэтому я начал выжигать еще одно дерево. Когда появились орехи гикори, грецкие орехи и желуди, мне понадобилась уйма емкостей. Вы удивитесь, когда узнаете, сколько времени и сил тратится на то, чтобы начистить в черепаший панцирь орехов — причем не подводной черепахи, а обычной

коробчатой!

С легкой летней жизнью была сопряжена и опасность. Туристы и любители походов часто бывали в лесу, и не раз мне приходилось бежать к дереву, закрывать дверь из оленьей шкуры и ждать, пока люди уйдут на край луга к ущелью. Очевидно, ущелье было достопримечательностью для тех, кто жаждал пятикилометрового похода в горы.

Однажды утром я услышал приближение людей. Я посвистел Внушающей Страх.

Она тут же прилетела. Мы нырнули в дерево. Внутри него было темно, к тому же я закрыл дверь. Тогда я понял, что мне нужна лампа. Я придумал ее из черепашьего панциря с фитилем из оленьей шкуры, и в тот момент, когда я отрезал от нее кусок, услышал пронзительный крик. Голоса туристов становились все громче. Я подумал, что, может быть, один из них свалился в ущелье. А потом я сказал Внушающей Страх:

— Это был не человеческий крик, симпатия. Спорим на кролика на ужин, что наша ловушка сработала. А мы застряли здесь, как орехи в коре дерева, и не можем забрать свой приз.

Мы ждали и ждали до тех пор, пока мое терпение не лопнуло. Как только я собрался высунуть голову из двери, раздался мужской голос:

— Посмотри на эти деревья! Женщина ответила:

— Гарольд, они огромны. Как думаешь, сколько им лет?

— Три, может, четыре сотни, — сказал Гарольд. Они потоптались, а потом сели на валун Барона и собирались пообедать, но тут начали происходить такие вещи, от которых я чуть не надорвал живот.

— Гарольд, что с этой лаской? Она бежит по скале. Крик! Топот и звуки ботинок, бегущих по камням.

— Она сумасшедшая! Это сказала женщина.

— Аккуратно, Грейс, она идет к твоим ногам. Они убежали.

К тому времени я уже закрыл рот рукой, чтобы сдержать смех. Я хрипел и задыхался, но они меня не услышали. Они были на лугу — мчались из леса от яростного Барона. Я до сих пор смеюсь, когда вспоминаю об этом.

Только лишь когда начало смеркаться, мы с Внушающей Страх добрались до оленя. Он был превосходным.

Остаток июня я провел коптя мясо, высушивая шкуру и наконец шил костюм. Я сделал костяную иглу, выкроил штаны по образцу, распоров свои старые. Из старых штанов, которые носил в городе, я сделал чехол для кремня и огнива.

— Внушающая Страх, — сказал я однажды за шитьем. Она чистила свои серебряные, черные и белые перья. — Нам этого не хватит. Нам нужен еще олень. На куртку не остается.

Нам не удалось раздобыть оленя до самой осени, поэтому из остатков шкуры я сделал большие квадратные карманы для собирания еды. Один висел впереди меня, второй был сзади. К ним я пришел веревки. Приспособление работало отлично.

Где-то в июле я закончил штаны. Они отлично сидели, да и выглядели просто замечательно. Я ужасно ими гордился.

Теперь, когда у меня были классные штаны и карманы, я хотел собрать новой еды. Маргаритки, кора тополя (однажды я видел, как ее ела белка) и дождевики. Это единственные грибы, которые я считал безопасными для употребления. Несмотря на это, я ждал смерти в тот вечер, когда первый раз их попробовал. Они великолепны. «Грибы опасны, не советую их есть в лесу». Это сказал мне эксперт по грибам в Ботаническом саду. И признался, что ни разу не ел диких.

Кора тополя на вкус была как пшеничные хлопья, поэтому я засушил ее как можно больше и смолот в муку. Это было очень утомительно, и когда в августе созрели желуди, я понял, что мука из них гораздо лучше да и делать ее проще.

Я запекал желуди в костре и молот их между камнями. Эта работа была не менее утомительной, но теперь, когда у меня был дом, копченая оленина и мне не нужно было постоянно рыскать в поисках пищи, я мог позволить себе тратить время на приготовление муки. Я просто добавлял воды из ручья к муке, и получалось тесто. Выпекал я на куске жести. Когда все было готово, у меня получались лучшие на свете блины. Плоские и твердые, именно такие, какими я представлял индийские лепешки. Мне они очень нравились, в карманах я носил с собой остатки, чтобы перекусить в обед.

Одним погожим августовским деньком я взял Внушающую Страх на луг. Я тренировал ее с приманкой. То есть теперь я привязывал мясо на длинную палку, обвязанную кусками шкуры и перьями, бросал ее в воздух, а она устремлялась вниз и ловила ее. Во время этого она была абсолютно свободна, высоко летала и парила надо мной, как листок. До того как отпускать ее, я внимательно следил за тем, чтобы она была очень голодна. Я хотел, чтобы она вернулась.

Даже после нескольких попыток она все время ловила приманку. Такая меткость поражала меня.

Птица вместе с приманкой опускалась на землю. Я подбегал, хватал Внушающую Страх за привязь, и мы сидели на большом валуне на лугу, пока она ела. Это были отличные вечера. В один из таких я написал:

«Внушающая Страх только что принесла первую добычу. Теперь она ручной сокол. Она поймала всего лишь воробья, но не все сразу. Это произошло неожиданно. Внушающая Страх набирала высоту, кружа в небе, ожидая приманку, но я сделал шаг вперед и спугнул воробья.

Воробей взлетел и пролетел через луг. По небу скользнула черная полоса — никогда не видел ничего настолько быстрого. Раскинув крылья, Внушающая Страх прервала полет и в то же время схватила воробья. Я забрал у нее добычу и дал ей приманку. Кажется несправедливым, но если она привыкнет есть то, что поймала, то одичает».

Я нахожу живого человека

Одним из захватывающих приключений лета было ежедневное принятие ванны в ручье. Вода была холодной, долго я не сидел, но быстро просыпался и заряжался энергией на весь день.

Я привязывал Внушающую Страх к ветке тсуги над собой и время от времени брызгал на нее водой. Она сутулилась, удивленно смотрела, а потом встряхивалась. Пока я мылся, она чистила перья. Мылся я корой вяза. Она мылится, если ее потереть в руках.

Из воды выпрыгивали лягушки, иногда прилетал лесной дрозд, чтобы посмотреть, что происходит. Нам было весело всем вместе: я кричал, Внушающая Страх чистилась, лесной дрозд запрокидывал голову вверх. Время от времени показывался Барон и искоса на нас глядел. Ему не нравилась вода. Как он оставался блестящим и чистым, для меня было загадкой до тех пор, пока однажды он не пришел к валуну рядом с нашей запрудой мокрый от росы. Он вылизался до блеска.

Однажды над запрудой раздался шорох листьев. Внушающая Страх тут же поняла, откуда он. Я научился смотреть туда же, куда и она, когда в лесу раздавались посторонние звуки. Она всегда видела объект прежде, чем я. Она пристально смотрела на тсугу над нами. Наконец я тоже его увидел. Маленького енота. Он шуршал листьями, а потом, когда увидел, что на него смотрят, стал спускаться с дерева.

Так Внушающая Страх и я познакомились с Джесси Куном Джеймсом, бандитом фермы Грибли.

Он неосмотрительно спустился к нашей ванне, маленький худой енот. Наверное, он был из позднего помета, потому что был не большим, и определенно плохо питался. Каким бы ни было прошлое Джесси К. Джеймса, оно было ужасным. Может, он был подкидышем, может, его выбросила из норы собственная мать, потому что его глаза смотрели как-то необычно. В любом случае он пришел к нам за помощью, подумал я, поэтому мы с Внушающей Страх привели его домой и накормили.

Через неделю он поправился. Его скомканная шерсть стала мягкой. Джесси К.

Джеймс стал нашим преданным другом и очень полезным. Он спал где-то наверху тсуги весь день, пока не замечал, что мы собираемся к ручью. Потом, дерево за деревом, ветка за веткой, Джесси шел за нами. Он был самый классным ловцом мидий, который только может быть. Джесси умел находить мидий там, где не мог человек. Он начинал их есть, как только поймает. Когда он наедался, то больше не искал их. Поэтому я забирал у него мидии до тех пор, пока он не найдет столько, сколько нам было нужно. Потом я оставлял его в покое.

Мидии вкусные. Вот мой рецепт их приготовления:

«Промойте мидии под водой из ручья. Положите в кипящую подсоленную воду Варите пять минут. Достаньте и остудите. Выньте содержимое. Ешьте, окуная их в желудевую пасту с чесноком и зелеными яблоками».

Внушающая Страх стала опытной охотницей. Благодаря ей у нас был бульон из кролика, жаркое из фазана и время от времени воробей, которого я из щедрости отдавал Внушающей Страх.

Как только мы справлялись с одними кроликами и фазанами, появлялись новые. Во время жаркого лета приготовление напитков стало моей по большей части заботой, потому что кроме меня они никому не были нужны. Однажды я нашел несколько сассафрасов, росших на краю дороги, выкопал приличное количество корней, очистил и высушил их. Чай из сассафраса прекрасно утоляет жажду. Из болотной мяты получается замечательный напиток. Я засушил ее и развесил под крышей своего дерева вместе с листьями остролиста. Все эти ароматные растения я использовал и при приготовлении пищи, чтобы придать пикантности некоторой не очень вкусной еде.

В комнате внутри дерева пахло дымом и мятой. Это было самое вкусно пахнущее дерево в Катскильских горах.

Жизнь шла неторопливо. Мне было тепло, я хорошо питался. Однажды, пробыв некоторое время в горах, я возвращался домой, по пути заглянув на старую ферму, чтобы посмотреть,

созрели ли яблоки. Они были летними, практически созревшими. Я набрал целый карман и присел под дерево, чтобы попробовать урожай и подумать о том, как засушить их на зиму, когда Внушающая Страх так сильно сжала мое плечо когтями, что я вскрикнул. — Аккуратнее, птица! — сказал я ей.

Я вынул ее когти, посадил на бревно и стал за ней наблюдать. Она была напряжена, словно провод под током. Ее голова была наклонена так, что ее уши, мембраны под перьями, были повернуты на восток. Она определенно слышала звук, который раздражал ее. Внушающая Страх раскрыла клюв. Что бы это ни было, я ничего не слышал, хотя напрягал слух, прикладывая ладонь к уху и жалел, что птица не умеет говорить.

Внушающая Страх была не только моими глазами, но и ушами. Она слышала все задолго до меня. Когда она напрягалась, я прислушивался или присматривался.

На этот раз Внушающая Страх была напугана. Она крутилась на бревне, смотрела на дерево, ища подходящую ветку, расправила крылья, чтобы взлететь, но вдруг замерла и прислушалась.

И тогда я услышал. Со стороны дороги раздался отдаленный вой полицейской сирены. Звук становился все громче и громче, я испугался. Потом я сказал:

— Нет, Внушающая Страх, если они пришли за мной, то не включали бы сирену.

Они прошмыгнули бы тихо.

Как только я произнес это, сирена зазвучала тише, а потом совсем стихла на дороге у подножия горы. Я приготовился бежать прятаться в дереве, но не добежал и до кустов грецкого ореха, прежде чем полицейские машины умчались прочь.

Мы отправились домой, хотя было не так уж и поздно. Однако было жарко, собирались грозовые облака. Я решил искупаться в ручье, а потом сшить мокасины, которые выкроил несколько дней назад.

Все еще помня о полицейских, я тихо прокрался в тсуговый лес. И опять Внушающая Страх чуть не перенесла меня к дому, воткнув когти мне в плечо. Я посмотрел на нее. Она смотрела в сторону дома. Я пригляделся. Потом остановился и разглядел очертания человека, лежащего между тсугой-спальней и кладовой.

Аккуратно, дерево за деревом, мы с Внушающей Страх подошли к мужчине. Он спал. Я мог уйти и опять разбить лагерь в ущелье, но мое огромное желание увидеть еще одного живого человека перевесило страх быть обнаруженным.

Мы склонились над мужчиной. Он не двигался, поэтому Внушающая Страх потеряла интерес к подобному мне. Она попыталась спрыгнуть на свой насест и почистить перышки. Однако я дернул ее за привязь, потому что хотел подумать, прежде чем будить мужчину. Внушающая Страх захлопала крыльями. Я прижал их к ее телу, боясь разбудить мужчину. Но он не пошевелился. Трудно понять, что хлопок крыльев сокола не кажется громким городскому человеку, потому что теперь я могу проснуться от него, как от пушечного выстрела. Незнакомец продолжал спать. Я понял, как долго пробыл в горах.

Как раз в тот момент, когда я смотрел на его небритое лицо, на коротко подстриженные волосы и рваную одежду, я подумал о полицейской сирене, и части пазла сложились.

— Преступник! — сказал я. — Ничего себе!

Нужно было подумать, что делать с ним, прежде чем будить его.

Будут ли с ним проблемы? Злой ли он? Стоит ли мне уйти жить в ущелье, пока он не уйдет? Как я хотел услышать его голос, рассказать ему о Бароне и Джесси К, Джеймсе, говорить вслух. Мне правда не хотелось прятаться от него. Кроме того, подумал я, он наверняка голоден. Наконец я заговорил.

— Привет! — сказал я.

Мужчина перевернулся, открыл глаза и посмотрел на меня. Он выглядел испуганным, поэтому я успокоил его:

— Вес хорошо, они ушли. Если ты не расскажешь обо мне, я не расскажу о тебе. Когда он услышал это, он поднялся и успокоился.

— О. — сказал он. Потом мужчина прислонился спиной к дереву и добавил: — Спасибо.

Очевидно он обдумывал происходящее, потому что положил голову на локоть и пристально на меня смотрел.

— Приятное зрелище, — сказал он и улыбнулся. У него была приятная улыбка — на самом деле он был довольно симпатичным и вовсе не был похож на преступника. У него были ярко-голубые глаза, и, несмотря на усталость, он не выглядел испуганным или обеспокоенным.

Однако я быстро заговорил, прежде чем он успел встать и убежать.

— Я ничего о вас не знаю и не хочу знать. Вы ничего не знаете обо мне и не хотите знать, но вы можете остаться здесь, если хотите. Вас здесь никто не найдет. Хотите поужинать?

Было рано, но выглядел мужчина голодным.

— А у тебя есть еда?

— Да, оленина или крольчатина?

— Ну... оленина.

Его брови непонимающе поднялись. Я принялся за работу. Он встал, огляделся и рассмотрел все, что его окружает. Он тихо присвистнул, когда я высек искру с помощью кремня и огнива. Теперь я научился делать это довольно быстро, через несколько минут я развел аккуратный костер. Я так привык к этому обычному делу, что не подумал о том, что незнакомцу это может быть интересно.

— Дездемона! — сказал он.

Я подумал, что это слово из мира преступников. В тот момент Внушающая Страх, тихо сидевшая на насесте, начала чистить перышки. Преступник отшатнулся, но потом увидел, что она привязана, и спросил:

— А кто это свирепо выглядящее создание? — Это Внушающая Страх. Не бойтесь ее. Она чудесная и аккуратная. Она с радостью поймает Вам на ужин кролика, если Вы предпочитаете крольчатину оленине.

— Я сплю? — спросил мужчина. — Я заснул у костра, который будто был разведен бойскаутом, а проснулся в середине восемнадцатого века.

Я полез в дерево-кладовую за копченой олениной и клубнями рогоза. Когда я вышел из него, он не мог произнести и слова.

— Моя кладовая, — пояснил я.

— Понятно, — ответил он.

С того момента он особо не разговаривал. Он просто наблюдал за мной. Я был так занят приготовлением пищи, что с трудом понял, что и сам мало говорил. После ужина я записал:

«Подготовить коричневые дождевики в оленьем жире с добавлением дикого чеснока, налить в кастрюлю воды, положить в нее оленину, вскипятить. Завернуть клубни в листья и запечь на углях. Нарезать яблоки и сварить в банке вместе с луковицами кандыка. Подавать с малиной».

Когда все было готово, я подал пищу мужчине в моем самом красивом черепашьем панцире. Когда я вырезал ему вилку из ветки, заметил, что Джесси Кун Джеймс пропал вместе с остальными. Он все ел, ел и ел, а когда закончил, то спросил:

— Могу я звать тебя Торо?

— Вполне, — согласился я и замолчал — просто чтобы дать ему понять, что знаю о нем мало. Я улыбнулся и сказал: — Я буду звать Вас Бандо.

Он поднял брови, наклонил голову, пожал плечами и ответил:

— Достаточно близко.

Сказав это, он сел и задумался. Я почувствовал, что обидел его, поэтому заговорил:

— Я с радостью помогу. Я научу Вас, как прожить здесь. Это очень легко. Никто Вас не найдет.

Он опять нахмурил брови. Это было отличительной чертой Бандо, когда он был сосредоточен, а я беспокоился о том, что вспомнил о его прошлом. В конце концов, преступник или нет, он был взрослым, а я еще не был уверен в том, что мне стоит быть рядом со взрослыми. Я сменил тему.

— Давайте поспим, — сказал я.

— Где ты спишь? — спросил он. Все это время, что он сидел и общался со мной, он не заметил входа. Я был в восторге. Потом я сделал знак, прошел несколько метров, отодвинул занавеску из оленьей шкуры и показал Бандо мой секрет.

— Торо, — сказал он. — Ты великолепен.

Он вошел. Я зажег для него черепашью свечу, он осмотрелся, попробовал кровать, вышел и начал трясти головой так, что я подумал, она оторвется.

Тем вечером мы практически не говорили. Я позволил ему спать на моей кровати.

Его ноги свисали, но он сказал, что ему удобно. Я растянулся у костра. Земля была сухой, ночь теплой, и я мог спать где угодно.

Я встал раньше и готовил завтрак, когда Бандо, спотыкаясь, вышел из дерева.

Мы ели зубатку. Казалось, что она и вправду ему понравилась. Чтобы привыкнуть ко вкусу лесной пищи, нужно некоторое время, поэтому Бандо удивил меня тем, как быстро ему понравилось меню. Конечно, он был голоден, и этот факт тоже нужно учитывать.

В тот день мы мало разговаривали, просто пошли в горы собирать еду. Я хотел накопать

клубней купены из больших зарослей на противоположной стороне ущелья. Мы ловили рыбу, немного плавали, и я сказал ему, что надеюсь в скором времени сделать плот, чтобы заплывать подальше и ловить рыбу побольше на глубине.

Когда Бандо это услышал, он взял мой топор и тут же начал рубить для этого молодые деревца. Я наблюдал за ним и отметил: — Должно быть, Вы жили на ферме или еще где-то.

В тот момент раздался птичий крик.

— Лесной тиранн, — сказал Бандо, прекращая работать. Он пошел в лес искать птицу. Теперь я был поражен.

— Откуда Вы знаете о лесном тиранне при вашей профессии? — набрался смелости спросить я.

— А как ты думаешь, чем я занимаюсь? — спросил он, когда я шел за ним.

— Ну, вы не министр.

— Правильно!

— И вы не доктор и не адвокат.

— Верно.

— Вы не предприниматель или моряк.

— Нет.

— Вы не копаете траншеи.

— Вовсе нет.

— Ну...

— Угадай.

Вдруг я захотел узнать наверняка. Поэтому выпалил:

— Вы убийца, вор или рэкетир; вы скрываетесь.

Бандо перестал искать лесного тиранна. Он обернулся и посмотрел на меня.

Сначала я испугался. Бандит может сделать все что угодно. Но он не был в ярости, а смеялся. Он заливался хорошим смехом. Я улыбнулся, затем просиял и засмеялся с ним.

— Что смешного, Бандо? — спросил я.

— Мне нравится, — наконец сказал он. — Мне это очень нравится.

Смех бурлил внутри него, он улыбался. Мне больше нечего было сказать, поэтому я рыл землю носком ботинка в ожидании, когда он успокоится и объяснит мне все.

— Торо, друг мой, я всего лишь преподаватель английского в университете, заблудившийся в Катскильских горах. Я ушел в поход, а вчера окончательно потерялся, нашел твой костер и заснул около него. Я надеялся, что командир скаутов и его команда вернутся к ужину и проводят меня домой.

— О, нет — сказал я, затем засмеялся. — Видите ли, Бандо, прежде чем я нашел вас, я

слышал полицейские сирены со стороны дороги. Время от времени говорят о бандитах, укрывающихся в лесу, я был уверен, что Вы тот, кого они ищут.

Мы оставили лесного тирана в покое и продолжили делать плот, теперь много разговаривая и еще больше смеясь. Он был забавным. Потом я понял кое-что, и мне стало грустно.

— Что ж, если Вы не преступник, то Вам придется очень скоро отправиться домой. Нет смысла в том, чтобы учить Вас жить на рыбе, растениях и коре.

— Я могу остаться на некоторое время, — сказал он. — Сейчас летние каникулы.

Должен сказать, что в отпуске не планировал есть зубатку, но она мне уже начинает нравиться. — Может, я смогу остаться до начала учебного года, — продолжил он. — Это после Дня труда, не так ли?

Я молчал, не зная, что на это ответить. Банда уловил мое настроение. Потом он обернулся ко мне, широко улыбаясь.

— Ты в самом деле хочешь здесь перезимовать?

— Думаю, я смогу.

— Что ж! — он присел, почесал лоб рукой и посмотрел на меня. — Торо, у меня было много профессий — мойщик посуды, саксофонист, учитель. Мне всегда было интересно. А теперь моя жизнь кажется мне скучной. Он посидел некоторое время, опустив голову, потом посмотрел на горы, скалы и деревья. Я услышал его вздох.

— Пойдем рыбачить. Закончим завтра.

Вот как я узнал Бандо. Мы стали хорошими друзьями за ту неделю или десять дней, что он был со мной. Он мне очень помог. Несколько дней мы собирали дубовые желуди, арахис и голубику, коптили рыбу.

Мы выпускали Внушающую Страх каждый день ради удовольствия лежать на спине и смотреть на то, как она покоряет небо. У меня было заготовлено много мяса, поэтому все, что она ловила, доставалось ей. Это было погожее время, теплое, с редкими грозами, во время которых мы оставались в дереве. Мы разговаривали о книгах. Он прочитал много книг и мог цитировать из них интересные факты.

Однажды Бандо отправился в город и вернулся с тремя килограммами сахара.

— Я хочу сделать джем из голубики, — заявил он. — Столько вкусных ягод и нет джема.

Мы готовили его два дня. Он знал, как сделать джем. Бандо наблюдал за тем, как отец готовит его в Миссисипи, но мы застопорились на том, куда его положить. Однажды вечером я написал:

«29 августа

Плот почти готов. Бандо пообещал остаться, пока мы не сможем выплыть на глубину.

Мы с Бандо нашли немного глины вдоль берега ручья. Она скользкая, как лед. Бандо считает, что из нее получатся отличные горшки. Он сделал несколько банок с крышками. Они выглядят хорошо — не фарфор, сказал он, но контейнеры. Мы высушили их на скале на лугу, а потом Бандо сделал печь для глины и обжег горшки в ней. Он считает, что они смогут сохранить джем из голубики.

Бандо развел огонь раздувая его самодельными мехами, которые сделал из шкур, связанных вместе наподобие шара. Камыш используется в качестве наконечника мехов».

«30 августа

Для обжига глиняных горшков был ужасно жаркий день, но Бандо выдержан.

Они выглядят прочными, и сегодня он наполнил три из них. Лжем вкусный, горшки напоминают мне бутоны цветов без отверстия снизу. Некоторые крышки не подходили. Бандо говорит, что отправится домой и почитает еще об изготовлении посуды, чтобы в следующий раз у него вышло лучше.

Нам нравится джем. Мы щедро намазываем его на желудевые блины.

Позднее. Сегодня Бандо первый раз встретился с Бароном. Не знаю, где пропадал Барон последнюю неделю, но он вдруг объявился на валуне и практически прыгнул на воротник рубашки Бандо. Бандо сказал, что Барон нравится ему больше, когда тот сидит в норе».

«3 сентября

Сегодня Бандо научил меня делать ивовые дудочки. Мы с ним пошли к ручью и срезали две толстых ветки около двадцати сантиметров длиной. Он снял с них кору. Вернее, он вынул дерево из коры, получилась трубочка. На одном конце он сделал отверстие для губ, вырезал снизу дырочку; а потом воткнул сердцевину дерева обратно, чтобы она передвигалась, как в тромбоне.

Мы играли на дудках до того, как взошла луна У Бандо даже получалось играть джаз. Это замечательные инструменты, их звук похож на ветер ветвях тсуг.

Грустные мелодии лучше всего подходят для ивовых дудочек. Когда мы играли „Молодого путешественника“, на наших глазах выступили слезы. Так стало печально».

Были еще записи... Бандо попрощался со мной, сказав: «Пока, увидимся на Рождество». Мне было так одиноко, что я продолжал шить мокасины, чтобы чем-нибудь заниматься. Я шил каждую свободную минуту четыре дня и когда они были готовы, я начал делать перчатку, чтобы защитить руку от острых когтей Внушающей Страх.

Однажды, когда я упорно думал об одиночестве, Внушающая Страх ласково и с любовью позвала меня. Я поднял глаза.

— Птичка, — сказал я.

— Я уже почти забыл, как мы раньше разговаривали.

Она еле заметно задвигала клювом и распушила перья. Это значило, что она была рада видеть и слышать меня, что она хорошо питалась и была довольна. Я поднял ее и зарылся в перьях у нее на шее. Она раскрыла клюв и аккуратно прихватила меня за нос.

Первый раз за десять дней Джесси Кун Джеймс спустился с деревьев. Он помог мне доесть рыбу, приготовленную на ужин. А потом прямо перед закатом Барон залез на валун, чесался, чистился и играл с листом папоротника.

У меня было чувство, что все мы снова вместе.

Осень приносит одиночество

Сентябрь оставил в горах след. Сначала он опалил траву. Семена растений собрали мыши и развеял ветер.

Затем он прислал белок и бурундуков, которые бегали по голому лесу, собирали и запасали орехи.

Потом осень подморозила листья осины, и они стали желтыми.

Затем птицы собрались в стаи, горы наполнили звуки песен, чириканье и хлопанье крыльев. Птицы готовились к отлету в теплые края. А мне, Сэму Грибли, было очень хорошо, очень.

Я оттащил плот к ручью и собрал клубней аронника, рогоза, корней камыша и похожих на орехи клубней осоки.

А потом появилось много сверчков. Внушающая Страх прыгала по лугу, хватала их длинными когтями и съедала. Я тоже попробовал сверчков, потому что слышал, они вкусные. Думаю, имелся в виду другой вид сверчков. На мой взгляд, полевые сверчки — прекрасное блюдо, если умираешь с голоду. Я не голодал, поэтому предпочитал их слушать. Я оставил сверчков в покое и вернулся в лес.

Я накопил рыбы и кролика, накопил карман дикого лука и поблагодарил Сентябрь за урожай.

«15 октября

Сегодня Барон выглядел так, словно покрылся плесенью. Я не мог подойти к нему близко, чтобы рассмотреть, что с ним, но потом я понял, что он меняет свою летнюю шкурку на зимнюю. Если это так, то, видимо, все очень зудит. Он часто вычесывается».

Это зрелище пробудило во мне первые страхи. Я сделал эту запись на маленьком кусочке березовой коры, забрался на кровать и задрожал.

Я думал о том, что впереди снег, холодные, длинные, однообразные месяцы. В горах гулял сильный холодный ветер. Я зажег свечу, вынул кроличьи и беличьи шкурки, которые хранил, и начал расчесывать и разминать их. У Барона появлялся новый костюм на зиму. Мне бы он тоже не помешал. меховое белье, рукавицы, носки с мехом.

Внушающая Страх, сидевшая в ногах моей кровати, зевнула, распушила перья и зарылась головой в перья на спине. Она спала. Я работал несколько часов. Должен сказать, что я начал задумываться о том, не стоит ли мне уйти на зиму домой и вернуться весной. Все в лесу готовилось к суровой поре. Джесси Кун Джеймс стал толстым, как бочка. Он медленно спустился с дерева, жир перекачивался у него за плечами. Белки усиленно делали запасы и строили гнезда из листьев. Скунсы рыли норы и на рассвете затыкали их охапками листьев. Сквозняки им не помеха.

Пока я думал о скунсах и других животных, готовящихся к зиме, я понял, что мое дерево станет таким же холодным, как и воздух, если не найду способа обогреть его.

«ЗАМЕТКИ:

Сегодня я заплыл на глубину устья реки, чтобы порыбачить. Был довольно ленивый осенний день, небо ясное, листья начали желтеть, воздух был теплым. Я лег на спину, потому что рыба не клевала, и напевал.

Удочку потянуло, я сел, чтобы взять ее, но было слишком поздно. Однако все же смог

заметить, что меня отнесло к берегу — тому самому, где Бандо брал глину для горшков. В тот момент понял, что надо сделать. Я сооружу глиняный очаг, что-то наподобие камина из глины. Он будет маленьким, но этого будет вполне достаточно, чтобы обогреть дерево долгой зимой.

На следующий день

Я принес глину в горы к дереву во второй паре городских штанов. Связав штанины, набил их глиной и, посмотрев на свою странную ношу, подумал о пугалах и Хэллоуине. Я вспомнил о людях, переворачивающих мусорки на Третьей авеню и натирающих окна мылом. Вдруг мне стало жутко одиноко. Воздух пах листвой, холодный ветер обнимал меня. Птицы надо мной казались веселыми и радостными оттого, что улетают на юг. Я остановился на полпути к дому и склонил голову. Мне было очень одиноко, я чуть не плакал. Вдруг вспышка, покалывание в ноге, я наклонился как раз вовремя, чтобы увидеть, как Барон прыгает с моих штанов на куст папоротника.

Он спугнул одиночество. Я побежал за ним и преследовал его до самых гор, время от времени теряя его из виду в папоротниках и лютиках. Мы ворвались в лагерь, как ураган, Барон прыгал и попискивал впереди меня, а я тащил половину глиняного пугала.

Внушающая Страх быстро посмотрела на нас и отлетела в сторону. Ей не нравится Барон, она смотрит на него, ну, как хищник. Не люблю оставлять ее одну. Так, заканчиваю. Нужно сделать очаг».

У меня заняло три дня соорудить очаг так, чтобы он не выкурил меня из дерева, как пчелу. Это было громадной проблемой. В первую очередь камин проседал, потому что глина была слишком тяжелой, чтобы выдерживать собственный вес, поэтому мне пришлось использовать сухую траву.

Я вырезал одно из оснований веток, чтобы выходил дым, и построил камин у него. Конечно, когда глина высохла, она отошла от дерева, и весь дым повалил на меня. Поэтому я попробовал закрыть дыру сосновой живицей. Все было хорошо до тех пор, пока дымоход не треснул и мне не пришлось сделать деревянную подпорку. Но подпорка горела, я понял, что и это не подойдет. Поэтому отправился в горы к старой ферме Грибли и начал искать железные шипы шли хоть какой-нибудь металл.

Я взял деревянную лопату, сделанную из доски, и начал копать там, где, должно быть, была задняя дверь или сарай.

Я нашел крюк, старые самодельные иглы, которые мне понадобятся, и, наконец, сокровище сокровищ — ось старой телеги. Но она была слишком большой. У меня не было ножовки, чтобы распилить ее на мелкие кусочки, и я не был настолько силен, чтобы нагреть ее и согнуть. К тому же, у меня не было ничего, кроме маленького самодельного деревянного молотка.

Я принес все свои трофеи домой и присел перед деревом, чтобы приготовить ужин и накормить Внушающую Страх. Вечер был очень холодным, даже морозным. Я посмотрел на теплые перья Внушающей Страх. У меня даже не было оленьей шкуры для одеяла. Я пользовался теми двумя, что служили в качестве двери и пары штанов. Жалко, что у меня не могут отрасти перья.

Я поднял Внушающую Страх на кулаке, и она ринулась сквозь деревья на луг. Она летела со странной для нее целеустремленностью.

— Она собирается улететь, — закричал я. — Я никогда не видел ее такой, как сейчас.

Я бросил рыбу коптиться и побежал на луп Я свистел, свистел, свистел до сухости в горле и до тех пор, пока уже не мог издавать звуков.

Я побежал к большому валуну Ее нигде не было видно. Я яростно размахивал приманкой. Облизав губы, вновь засвистел. Солнце становилось холодного цвета, когда опускалось за горы. Воздух теперь был прохладным, и Внушающая Страх улетела. Я был уверен, что она вдруг решила улететь в теплые края; сердце разрывалось в груди. Еды у меня было достаточно, и Внушающая Страх не нужна была мне, чтобы выжить; но я так любил ее. Она была для меня больше, чем птицей. Я знал, что хочу, чтобы она вернулась. Мне тогда будет с кем разговаривать и играть, с ней я и надеялся пережить зиму.

Я снова засвистел. Потом услышал крик в траве под березами.

В наступающих сумерках я увидел, как что-то движется. Думаю, что буквально подлетел к месту. Она была там. Она поймала себе птицу. Я прыгнул за ней в траву и схватил ее за привязь. Она не собиралась улетать, но хотел удостовериться, что она не сможет это сделать. Я схватил привязь так быстро, что ударился рукой о камень и ободрал костяшки пальцев.

Камень был плоским, узким и длинным; то, что надо для моего камина. Я взял Внушающую Страх в одну руку, а камень в другую. Я смеялся в лицо холодному, ускользящему за горизонт солнцу, потому что знал, что скоро согреюсь. Плоский камень был необходим для поддержания дымохода. Это завершающий этап работы над очагом.

Вот что я сделал. Расколов его на две части, подложил их с разных сторон дымохода, развел костер, закрыл дверь и стал слушать, как ветер приносит в горы первый мороз. Мне было тепло.

А потом я заметил нечто ужасное. Внушающая Страх сидела в изголовье кровати, голова под крыльями. Она падала. Она вынула голову из крыльев, ее глаза были стеклянными. — Ей плохо, — сказал я.

Я взял и погладил ее. Наверное, мы оба умерли бы, если бы я не открыл дверь, чтобы впустить немного воздуха.

Холодный ночной воздух оживил ее.

— Воздух, — сказал я. — Огонь выжег весь кислород. Нужно проветривать комнату.

Мы долго сидели на холоде, потому что я более чем испугался того, каким мог быть наш конец.

Я потушил огонь, снял дверь и завернулся в нее. Мы с Внушающей Страх спали, когда хороший мороз щипал нас за лица.

«ЗАМЕТКИ:

Я вырезал еще несколько оснований веток для вентиляции комнаты в дереве. Сегодня я все опробовал. Внушающая Страх сидит у меня на кулаке, я наблюдаю за ней. Уже прошло около двух часов, и она не упала в обморок, а я не ослабел. Я все еще могу писать и хорошо вижу.

Тест: здоровая Внушающая Страх».

Мы празднуем Хэллоуин

«28 октября

Всю неделю я то спускался, то поднимался в горы, наблюдая за тем, созрели ли грецкие орехи гикори. Сегодня я обнаружил белок на всех деревьях. Они судорожно собирали орехи, поэтому я решил, созрели они или нет, нужно собирать урожай. Либо я, либо белки.

Я привязал Внушающую Страх к дереву гикори, а сам отправился к кустам грецких орехов и набил ими карманы. Внушающая Страх охраняла орехи. Белки были настолько заняты тем, что ругались на нее, что у них не было времени собирать их. Внушающая Страх здорово их напугала. Здорово придумано. Я кричу и трясусь дерево. Внушающая Страх отпугивает белок, и я спокойно набиваю карманы припасами.

Никогда раньше не видел столько белок. Они свисают с соседних веток, прыгают по деревьям, кажется, что они собрались здесь со всего леса. Должно быть, белки передают друг другу сообщения — сигналы о том, какие орехи и на каких деревьях растут».

Спустя несколько дней моя кладовая помилась от орехов. И я начал гоняться за яблоками. В этой гонке также участвовали белки, еноты и старый толстый скунс, выглядевший так, будто он уже не может ничего есть. Он уже почти впал в спячку. Я оставил его в покое, потому что ему не нужны мои яблоки. Однако я не стал играть с ним в игрушки. Я собрал все яблоки, которые только смог, нарезал несколько ломтиками и высушил их на валуне. Некоторые убрал в кладовую, чтобы съесть их прямо так. Они были немного червивыми, но как же было приятно вновь полакомиться яблоками.

Однажды вечером, когда урожай уже был собран, я сел, чтобы сделать несколько записей, и тут в поле моего зрения попал Барон.

Он подпрыгнул, облизал миску из черепашьего панциря, вспугнул Внушающую Страх и подбежал ко мне.

— Барон, — сказал я. — Приближается Хэллоуин. Ты играешь в «откупись, а то заколдую»?

Я отдал ему остатки черепашьего супа и изумленно следил за тем, как он жадно его ест.

«ЗАМЕТКИ:

Барон пережевывает пищу задними зубами, так яростно, как я еще не видел. Его глаза сверкают, нижняя губа оттопырена так, что видны белые зубы, он хмурится, как злодей. Если я пытаюсь к нему приблизиться, он начинает рычать, и я не решаюсь подойти. Он бросает на меня взгляды. На самом деле странно, что это бесстрашное дикое животное смотрит мне прямо в глаза. Есть что-то человеческое во взгляде его глаз-бусинок. Он говорит мне, что знает, кто я, и не хочет, чтобы я подходил ближе».

После трапезы барон ушел. Внушающая Страх, ставшая прямой, как палка, расслабилась и распушила перья, а потом я сказал ей:

— Видишь, он получил угощение. Никакого колдовства.

И вдруг я кое-что понял. Я зашел в комнату и достал палку-календарь. Посчитал: 28, 29, 30, 31.

— Внушающая Страх, старик ласка все знает. Сегодня Хэллоуин. Давай устроим вечеринку.

Я быстро начистил горку орехов, накопил кролика и зубатки. Я даже добавил ко всему два яблока. Эта еда была приглашением для живущих рядом белок, лис, енотов, опоссумов и

даже птиц на вечеринку.

Когда Внушающая Страх привязана к насесту некоторые животные и птицы подходят так, чтобы накричать на нее. Поэтому мы с птицей вошли внутрь дерева, откинули шкуру и стали ждать.

Мало что произошло тем вечером. Я понял, что для распространения лесных новостей требуется некоторое время. Но новости все же разлетались.

Перед тем как устроить вечеринку, я удостоверился в том, что у меня не возьмут больше еды, чем я планировал, потому что каждый орех был на счету. Предварительно я поставил камень перед дверью. Взошла полная луна. Мы с Внушающей Страх легли спать.

На рассвете вечеринка закончилась. Однако, я оставил угощение. Поскольку выдался холодный, но ясный денек, мы отправились за кроличьими шкурками, чтобы закончить мое меховое теплое белье.

Мы пообедали у реки тушеными мидиями с диким картофелем. На обратном пути я обнаружил дикий рис в запруде реки. Собрал не больше пригоршни.

Когда мы вернулись домой, все казалось довольно спокойным. Несколько орехов исчезло, наверное, их взяли белки. Я запек рыбу в листьях и съел драгоценный остаток риса. Он был великолепным! Когда я сел обрабатывать кроличьи шкурки, добытые днем, мой сосед-скунс промаршировал прямо в лагерь и принялся за копченую крольчатину. Вот как я описал Хэллоуин:

«Луна восходит над осинами. Она такая же большая и оранжевая, как тыква.

Ветер холодный, звезды похожи на электрические лампочки. Я на пороге. Пока пишу это, горит лампа из черепашьего панциря.

За второй тсугой что-то движется. Внушающая Страх начеку, как будто рядом с нами кто-то есть. Хэллоуин закончился прошлой ночью, но для нас он только начинается. Я чувствую это, хотя, может быть, это мое воображение.

Жаль, что Внушающая Страх время от времени напрягается, как струна. Я все еще думаю, что она все понимает.

Вот идет Джесси К. Джеймс. Ему хочется оленины.

Он не получит ее. Раздался рык, и к нему подошел большой енот, которого я раньше не видел. Он ворчал и выглядел свирепым. Джесси К. стоял без движения — должен сказать, что он был испуган. Он наклонил голову и подпустил здоровяка к еде. Джесси стоял с круглыми глазами, а старый енот фыркал на него».

Стемнело и стало плохо видно. Зловещий крик, раздавшийся за валуном, свидетельствовал о том, что с луга приближается лиса. От него у меня побежали мурашки. Лиса стояла прямо за моим деревом, переминаясь на мягких лапах. Время от времени я слышал ее вибрирующий крик, похожий на уханье совы. Я записал следующее:

«Свет от моей черепашьей лампы отбрасывает тени. К букам приблизилось маленькое серое животное. Я не могу разобрать, какое... А, теперь вижу. Это белка-летяга. Что удивляет меня — я никогда раньше не видел их здесь, но это, конечно, потому что я никогда не бодрствовал так долго после заката».

Когда стало слишком темно, я развел костер, надеясь, что он не помешает вечеринке. Все обошлось, и чем дольше я смотрел, тем больше понимал, что всем этим животным знаком

мой лагерь. Мышь с белыми лапами прошла по моим дровам, как будто они принадлежали ей.

Когда костер превратился в угли, я затушил свечу и заснул. Гораздо позже меня разбудили крики. Я поднял голову и всмотрелся в залитый лунным светом лес. Несколько гостей, все еще веселившихся на вечеринке, стремительно попрятались. Один зверек был большим и стройным. Я подумал, что это норка. Когда я окончательно проснулся, понял, что крики раздавались за моей спиной. Что-то происходило в моем доме. Я вскочил на ноги и закричал, два енота пробежали у моих ног. Потом я потянулся к свече, поскользнулся на сотне орехов и упал. Когда я наконец зажег свет и огляделся, я ужаснулся тому, какой беспорядок устроили в моем дереве гости. Они нашли запасы желудей и бука и разбросали их по всей кровати и полу. Вечеринка становилась все круче.

Я погнался в ночи за енотами и споткнулся о третьего зверя, который окатил меня мокрой жгучей струей. Это был скунс! Я промок насквозь. Привыкнув к унижению и запаху, увидел енотов, скачущих вокруг костра и прячущихся за моей спиной. Они вернулись к моему дереву прежде, чем я смог остановить их. Из темноты вылетела летучая мышь и закружила над свечой из жира. Был Хэллоуин, гоблины были за работой. Я вспомнил обо всех тех мусорках, которые перевернул на улицах Нью-Йорка. Ничего смешного не было.

Я раздумывал, как бы избавиться от приглашенных гостей. Еноты настолько ощущали себя как дома, что растащили буковые орехи по всему пролеску, они игриво подбрасывали в воздух куски сушеной рыбы и оленины. Они были слишком сыты, чтобы съесть еще, но замечательно проводили время, делая игрушки из тяжелым трудом добытого мной запаса на зиму.

Я выгнал енотов из дерева и закрыл дверь. С облегчением вздохнул, но когда повернул голову налево, почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. Там, в лунном свете, сидела лиса, ее большие уши были на макушке. Она улыбалась — я точно знаю. Я закричал: «Хватит смеяться!», и она растворилась будто по мановению волшебной палочки.

Все это разбудило Внушающую Страх. Она захлопала крыльями в комнате. Я подошел к двери из оленьей кожи, чтобы погладить ее и успокоить. Она схватила меня слишком сильно, я за кричат, и посетители разбежались от моего крика.

Отвратительно пахнув, будучи израненным и ограбленным, я подкинул дров в костер и послал в ночь огромный столб света. Потом я закричал. Скунс ушел подальше. Еноты отбежали на несколько метров, а потом вновь подошли. Я зарычал на них. Они ушли в темноту и смотрели на меня. У енота, прогнавшего Джесси К. той ночью, я научился одному — правда в силе. Я был больше и старше и собирался дать им это понять. Я рычал и ревел, шипел и фыркал. Сработало.

Они поняли и отошли. Некоторые оглядывались, я видел блеск их глаз. Их красные глаза испепеляли меня. Ни разу в жизни у меня не было настолько реальной Хэллоуиновской ночи. Я посмотрел на небо, думая увидеть там ведьм. Летучая мышь пулей пронеслась в ночи. Я лег на кровать, перед этим плотно захлопнув дверь. Больше никаких записей о Хэллоуине.

Я понимаю, как быть с охотниками

Из вечеринки я извлек мораль. Не кормите диких животных! Я собрал и подсчитал все грецкие орехи и гикори. И был безмерно рад, что беспорядка было больше, чем потерь. Я решил, что не только дотяну до весны, но и у меня больше орехов, чем у всех белок на земле

Грибли (включая летяг).

В начале ноября меня разбудил ружейный выстрел. Начался сезон охоты! Я совсем про него забыл. Спрятаться от толпы охотников — вот это задача. Они будут за каждым деревом и на каждом холме, в каждой долине. Они будут стрелять во все, что движется, а я выглядел прямо как олень в штанах из оленьей шкуры и грязном коричневом свитере. В первый день открытия сезона я, как и все животные, решил не высовываться. Я вырезал вилку, закончил зимнее белье из кроличьего меха, наколол много грецких орехов.

На второй день охотничьего сезона я высунул голову из двери и решил, что у меня во дворе грязно. После уборки он стал точь-в-точь как земля в лесу.

На третий день сезона охоты пришло несколько мужчин, которые расположились в ущелье. Я попробовал спуститься с другой стороны горы к северу от ручья, но нашел еще один лагерь охотников и вернулся к своему дереву.

К концу недели и Внушающей Страх, и мне нужно было размяться. В горах все еще гремели выстрелы. Тогда я решил пойти проведать мисс Тернер в библиотеку. Примерно через час я написал следующее:

«Я практически выбрался из тсугового леса, когда рядом с моим локтем пролетела пуля. Внушающая Страх не была привязана, поэтому тут же взмыла ввысь. Я залез на дерево. Охотник был настолько близко, что мог бы до меня дотянуться, но, очевидно, он был слишком занят наблюдением за оленем. Я мог подняться выше без угрозы быть замеченным. Сначала я огляделся в поисках Внушающей Страх. Ее нигде не было видно. Я хотел посвистеть ей, но подумал, что не стоит. Сел, осмотрелся и задумался, полетела ли она домой».

Я увидел, как охотник следит за зверем. Олень все еще бежал. Со своего места я был, я мог видеть абсолютно все, вот он приближался к старой ферме Грибли. Я тихонько вскарабкался повыше и стал наблюдать. А потом ни с того ни с сего олень перепрыгнул через каменный забор и упал замертво.

Я подумал, что останусь на дереве до тех пор, пока охотник не разделает свою добычу и не оттащит ее к дороге. Но потом я понял, что он даже не собирается искать оленя. Он шел в другую сторону. С дерева я видел, что олень упал в большой куст сухой травы и его будет трудно найти.

В тот момент я занервничал. Я видел новую куртку, лежавшую в травах, и охотника, ищущего ее. Закрыв глаза и мысленно направил его налево.

Меня выручила старая добрая Внушающая Страх! Она спустилась с гор и села на молодой клен неподалеку от оленя. Увидев человека, она закричала. Охотник посмотрел в ее сторону. Бог знает, за что он ее принял, но он развернулся и пошел к птице. Та расправила крылья, поднялась в воздух и исчезла из виду. Я очень хотел позвать ее, но боялся за оленя, себя и ее.

Я повис на дереве и прождал около полутора часов. Наконец мужчина бросил поиски. Его позвали друзья, он начал спускаться с горы. Я слез с дерева. В сухой траве лежал молодой олененок. Я аккуратно заложил его камнями из забора и травой и помчаться домой. На мой свист с веток тсуги слетела Внушающая Страх. Я раздобыл кусок березовой коры и записал:

«Когда стемнеет, мы принесем наш обед и новую куртку. Я начинаю думать, что теперь у меня будет необходимое количество оленьих шкур и мяса. Если повезет, такая ситуация повторится еще раз».

После наступления темноты я забрал оленя и был прав. До конца сезона таким же образом я

заполучил еще двух. Однако, как только у меня появился первый олень, время начало лететь быстро. Мне нужно было долго обрабатывать и чистить. Единственным минусом было то, что я не осмеливался разжигать костер и готовить это восхитительное мясо. Я боялся, что меня заметят. Я ел копченую оленину, орехи и боярышник. Эти ягоды по вкусу немного похожи на яблоки, но меньше и суше. Внутри у них также большие семечки. Узнать куст боярышника легко по большим блестящим красным шипам на нем.

С каждым днем выстрелов становилось все меньше, так как охотники уходили домой с гор. По мере того как они расходились, мы с Внушающей Страх могли перемещаться свободнее с каждым днем.

Воздух теперь был настолько холодным, что я мог хранить оленину, поэтому последних двух оленей не коптил. Спустя примерно две недели после первого предупреждающего выстрела я отрезал прекрасный стейк, развел яркий костер и в свете тлеющих угольков по-настоящему поужинал.

Я замочил несколько дождевиков в воде и, когда они разбухли и достаточно пропитались влагой, пожарил их с диким луком и скудным количеством старой дикой моркови. Я ел до тех пор, пока не почувствовал себя человеком. После записал:

«26 ноября

Охотники — отличные друзья, если ими правильно пользоваться. Не позволяйте им вас заметить; но держитесь рядом с ними. Для этого лучше всего подойдут ветви деревьев, так как охотники не смотрят вверх. Они смотрят под ноги, направо, налево и прямо перед собой. Поэтому если вы будете на дереве, вы не только увидите, куда они стреляют, но и заметите, куда падает добыча, а если вы будете предельно осторожны, сможете добраться до пищи раньше, чем они, и спрятать ее. Вот как у меня появился третий олень».

Я изрядно повозился с выделкой шкур, потому что вода в дубовом пне по ночам замерзала. Становилось все холоднее. Большую часть утра я носил белье из кроличьего меха.

В полдень в нем становилось слишком тепло, но ночью было просто отлично. Я спал в нем до того, как сшил одеяло. Я не снял олений мех с одеяла, мне он нравился. Так как я подросток, мне не удалось укрыться одной оленьей шкурой. Я пришил к ней еще один кусок шкуры.

Третью шкуру я превратил в куртку — просто вырезал прямоугольник с дыркой для головы и вшил прямые широкие рукава. Я сделал огромные карманы по всей куртке, используя каждый кусочек шкуры, включая сумки, которые сшил прошлым летом. Получилось нечто среднее между русской шинелью и фартуком плотника, но куртка была теплой, удобной и, на мой взгляд, красивой.

Начинаются неприятности

Двадцать третьего ноября я стоял в дверях с головы до пят одетый в оленьи шкуры. Костюм был отделан кроличьим мехом. У меня были варежки и мокасины с беличьим мехом. Я был впечатлен своим гардеробом.

Я свистнул, Внушающая Страх села мне на кулак. Она осмотрела меня своими шелковыми черными глазами и клюнула меня в костюм.

— Внушающая Страх, — сказал я. — Это не еда. Это мой новый костюм.

Пожалуйста, не ешь его.

Она тихонько пискнула, распушила перья и пристально посмотрела в сторону луга.

— Ты тоже красивая, Внушающая Страх, — сказал я и дотронулся до грифельно-серых перьев на ее спине. Потом очень аккуратно погладил черные перья, росшие у ее глаз. Эти красивые отметки придавали ей горделивости. В некоторой степени она тоже была в новом костюме. За осень перья изменили цвет, и птица выглядела завораживающе.

Я пошел к ручью, и мы заглянули в воду. Я видел нас довольно хорошо, потому что в воде не прыгали лягушки и не создавали кругов и всплесков.

— Внушающая Страх, — сказал я, когда повернул голову и посмотрел на нее. — Мы выглядели бы замечательно, если бы не моя прическа. Мне нужно постричься. Я сделал все, что мог, с помощью перочинного ножа.

Нужно сделать шапку, чтобы не было видно неровных концов.

А потом я поступил вот как. Вдохнул чистый ноябрьский воздух, посмотрел еще раз, как сидит мой костюм, и начал спускаться с гор. Перешел вброд ручей и направился к дороге.

Прежде чем я смог отговорить себя от этого, я был уже на пути к городу. Когда я шел по дороге, то обманывал себя, что иду в библиотеку; но было воскресенье, и знал, что библиотека закрыта.

Я привязал Внушающую Страх к пню на окраине города. Мне не хотелось привлекать внимания. Я шел и пинал камни, насвистывал — в общем так, как вел себя будто ходил в центр города каждое воскресенье.

Увидев аптеку, я ускорил шаг, потому что выглядел, мягко говоря, необычно.

Взгляды людей задерживались на мне дольше, чем следовало.

Мне пришлось перейти на бег. Я скользнул внутрь аптеки и подошел к витрине, взял комикс и начал читать.

Я услышал приближающиеся шаги. Под нижними картинками я увидел пару брюк и башмаки. Один ботинок делал тук-тук. Потом ноги вдруг будто подпрыгнули, и я проследил за тем, как они подошли ко мне сзади. Опять тук-тук-тук; прыжок — и штаны, и башмаки пошли на новый круг. Затем раздался голос:

— Ну, я не я, если это не Дэниел Буун! Я посмотрел в лицо своего ровесника, но вид у него был более щенячий, подумал я. Он был похож на меня: карие глаза, темные волосы, нос чуть больше моего и уши тоже, только лицо нагловатое. Я сказал:

— Что?

Я ухмыльнулся, потому что долгое время не видел мальчика своего возраста. Парень не ответил, он просто зажал рукав моего костюма между пальцами и пристально на него посмотрел.

— Сам жевал? — спросил он.

Я посмотрел на то место, которое он осматривал, и ответил:

— О, нет, я отбил его камнем, но вот вокруг шеи пришлось жевать. Голова не проходила.

Потом мы посмотрели друг на друга. Я хотел сказать что-нибудь, но не знал, с чего начать.

Он вновь взял меня за рукав.

— У моего младшего брата костюм лучше, чем у тебя. Зачем ты его надел?

Я посмотрел на его одежду. На нем были хорошие шорты, белая рубашка с распахнутым воротником и кожаная куртка. Я обрел голос:

— Если бы я был одет так же, как и ты, через неделю все это превратилось бы в клочья.

Он не ответил, лишь вновь меня обошел.

— Где, говоришь, ты живешь?

— Я не говорил, но я с фермы в горах. — Как, говоришь, тебя зовут?

— Ну, ты назвал меня Дэниелом Бууном.

— Дэниел Буун, да?

Сделав еще один круг, он уставился на меня.

— Ты из Нью-Йорка. Я слышу по акценту. Он перегнулся через прилавок.

— Давай, расскажи мне, это носят ребята в Нью-Йорке? Это костюм бандита?

— Вряд ли я член банды, — ответил я. — А ты?

— Здесь? Нет, мы играем в боулинг. Некоторое время мы говорили об игре, потом он посмотрел на часы.

— Я должен идти. Ты круто выглядишь, Буун. Чем ты занимаешься, играешь в ковбоев и индейцев?

— Приходи на ферму Грибли, и я покажу, чем занимаюсь. Я исследую. Кто знает, когда раздастся взрыв и нам вдруг придется уметь коптить оленину.

— Эй, парни из Нью-Йорка определенно умеют говорить загадками. Что это значит, сжечь квартал?

— Нет, это значит коптить оленину, — сказал я. Потом я вынул кусок оленины из кармана и дал ему. Он понюхал и вернул его мне.

— Эй, — сказал он. — Ты что с этим делаешь, ешь?

— Конечно, — ответил я.

— Не знаю, отослать тебя домой поиграть с моим братишкой или вызвать полицию.

Он пожал плечами и повторил, что ему надо идти. Когда он повернулся, чтобы уйти, спросил:

— Ферма Грибли?

— Да. Приходи, если найдешь.

Я просматривал журналы до тех пор, пока клерк не изъявил желание что-либо мне продать, после этого я вышел. Большинство людей было в церкви. Я пошатался по городу и вернулся к дороге.

Приятно было вновь увидеть людей. На окраине города из дома выбежал босой малыш, и мама бросилась его догонять. Я поймал бутуза за руку и держал пока, мама не забрала его.

Когда женщина поднималась по ступеням, она остановилась и посмотрела на меня. Она подошла к двери, потом вновь спустилась и опять посмотрела на меня. Я понял, что выгляжу слишком необычно, и отправился в горы. Я прошел мимо дома старушки с земляникой, чуть не зашел к ней в гости, но что-то заставило меня пойти домой.

Я нашел Внушающую Страх, отвязал ее, погладил по кремовым перьям на груди и заговорил с ней:

— Внушающая Страх, сегодня у меня появился друг. Ты думаешь, именно этого я и хотел все это время?

Птица чуть слышно пискнула.

Я шел, вороша ногами листья. Мне было грустно. С одной стороны, я был рад знакомству с мистером Курткой, так я назвал его, потому что не спросил его имени. Мне он нравился, несмотря на то, что мы даже ни разу не дрались. Со всеми своими лучшими друзьями я всегда дрался, а потом, после того как раны заживали, они начинали мне нравиться.

Смеркалось. Поползни, прыгавшие по деревьям, утикли. Гаички испарились. Со стороны дороги раздался крик одинокого ворона. Не было слышно ни насекомых, ни дроздов, иволг, виреонов, малиновок.

— Внушающая Страх, — сказал я. — Зима. Наступила зима, и я абсолютно забыл сделать ужасно важную вещь — запастись дров.

Моя глупость унесла от меня прочь мысли о мистере Куртке, и я стремглав полетел в долину. Внушающая Страх хлопала крыльями, чтобы удержать равновесие. Переходя через ручей к своему горному убежищу, я сказал птице:

— Иногда я задумываюсь, доживу ли до весны.

Я запасаю дрова, и начинается зима

Теперь я почти подошел к рассказу о буре. На следующий день я рано проснулся с мыслью о дровах. Я был рад услышать дроздов и гаичек. Они внушили мне уверенность, что я успею собрать дров. Птицы были яркими, шустрыми и абсолютно не заботились о предстоящей буре. Я взял с собой топор и отправился в путь.

Я вырубил почти все деревья рядом со своим домом, поэтому пошел к ущелью.

Сначала я собрал все сухие ветки под деревьями и оттащил их к дому. Потом вырубил засохшие деревья. Собрав все, я вошел в тсугу и вытянул руку. Я сделан крест из иголок. Там, где он получился, я буду класть дрова. Я хотел доставать дрова из дерева, когда снега будет много. Я сложил большую поленницу. У другой стороны двери сделал еще крест и сложил дрова туда. Потом я осмотрел обе поленницы, и у меня родилась идея. Решил, что когда израсходую эти запасы, то проложу путь сквозь снег к следующей, а потом к следующей. Я сделал много вязанок, ведущих в лес.

Я посмотрел на небо. Оно было голубым, как летом, но в ущелье вокруг водопада начала замерзать вода. Приближается зима, хотя каждое утро солнце было ярким, а дни — безоблачными. Я срубил еще деревьев. Вот тогда ощутил, что мне страшно. Я продолжал запасать дрова, как нервный ребенок, грызущий ногти.

Я практически успокоился, когда увидел, что приближается снежная буря. Теперь я как раз дошел до того места, откуда начал рассказывать. Не буду пересказывать, я продолжу с облегчением о веселье и прелести жизни в горах зимой.

Барону нравился снег, он прыгал по нему каждый день, пока мы с Внушающей Страх завтракали. Джем профессора Бандо был моей отрадой холодным утром. Я ел его с блинами из желудей, которые улучшил, добавив орехи гикори. После завтрака мы с Внушающей Страх выходили наружу и спускались с гор. Она летала надо мной, когда я, поскользываясь и спотыкаясь, катился к устью реки. Оно замерзло. Я вышел на лед, сделал лунку и начал ловить рыбу. Снег блестел на солнце, с дерева на дерево летали птицы, а я возвращался домой со свежей едой из долины. Под снегом я нашел листья гаультерии и зимолюбки. Вернее, я подсмотрел это у оленя, который нашел под снегом много пищи. Также я обнаружил мхи, которые они любят, но решил, что мох не для меня.

Около четырех часов мы отправились домой. Дрозды, гаички, кардиналы, Внушающая Страх и я. А потом настали самые замечательные деньки. Я останавливался на лугу и отпускал Внушающую Страх с кулака. Она взлетала ввысь и ждала меня, пока я пинал ногами травы, погруженные в снег. С места срывался кролик, иногда фазан. Стрелой размером не больше булавки с неба летел мой прекрасный сокол. На земле она ловила свою добычу. Ее идеальные перья поднимались, а крылья обнимали еду. Она не трогала добычу до тех пор, пока я не подходил и не забирал ее. По дороге домой кормил птицу, а потом забирался в дерево, разжигал огонь в камине, и мы с Внушающей Страх начинали зимний вечер.

У меня было много времени для готовки. Я попробовал сочетать разные травы с разным мясом, чтобы было вкуснее. И, надо сказать, изобрел несколько замечательных рецептов.

Когда ужин был готов, огонь горел ярко; Внушающая Страх сидела на насесте у кровати, чистила перья и клюв и подрагивала. Меня согревал тот факт, что она живая.

Я смотрел на нее и размышлял, почему птица — это птица, а мальчик — это мальчик. В лесу становилось тихо. Я знал, что Барон рядом, но не слышал его. Потом доставая кусок березовой коры и писал или делал новые вещи из оленьей шкуры, например, колпачок для Внушающей Страх. Наконец снимал костюм и мокасины и забирался в кровать под сладко пахнущую оленью шкуру. Огонь гас сам, и я засыпал.

Эти ночи были лучшими. Однажды я читал одну из своих старых записей о том, как запастись дрова так, чтобы достать их из-под снега, и смеялся, пока не разбудил Внушающую Страх. Я не сделал ни единого тоннеля. Я ходил за дровами по снегу так, как Барон ходил за едой или олень за мхом.

Я зиму с птицами и людьми

Мы с Внушающей Страх привыкли к зиме и снегу. Мы рано ложились спать, поздно вставали, ели собранный урожай и сами исследовали местность. Олени шли за нами, лисы шагали след в след, зимние птицы летали над нами, но по большей части мы были одни в белой пустыне. Хорошо. Очень, очень хорошо. Мой костюм из оленьей шкуры с кроличьим мехом был таким теплым, что даже когда холодный воздух обжигал ноздри, мне было комфортно и уютно. В холодные дни Внушающая Страх распушала перья, но хорошая прогулка согревала ее. Она с глухим ударом и прыжком возвращалась ко мне на руку. Так она показывала, что у нее хорошее настроение.

Мне не было одиноко. Много раз летом я думал о «длинных зимних месяцах» с некоторым

страхом. Я так много читал об одиночестве фермера, охотника, лесоруба во время унылой зимы, что практически в это поверил. Зима была такой же замечательной, как лето, а может даже и лучше. Птицы были словно домашние. Они общались между собой, согревались друг о друга, дрались за еду, за лидерство и за право быть громче всех. Иногда я садился на порог, который стал местом для наблюдений — портиком чистого белого снега, украшенным снеговиками, — и с нескончаемым интересом смотрел на них. Они напоминали мне о Третьей авеню, я дал птицам имена жильцов, которые, казалось, им подходили.

Например, мистер Брэкет. Он жил на первом этаже многоквартирного дома, он никому не позволял сидеть на его крыльце или шуметь рядом с его дверью.

Мистер Брэкет, гаичка, большую часть времени проводил в погонях по лесу за молодыми гаичками. Только равный ему мог сидеть на его любимой ветке или есть с ним вместе.

Также там жили миссис О'Брайан, миссис Коллавей и миссис Федерио. На Третьей авеню первым делом они рано утром вместе ходили на рынок, болтая, толкаясь и поучая детей на улице. Миссис Федерио всегда следовала за миссис Коллавей, а миссис О'Брайан всегда помогала миссис Коллавей: болтать, толкаться и даже покупать яблоки. Теперь все трое были на моем дереве; три занятых гаички. Они порхали, суетились, прыгали и летали от одной кормушки к другой. Они с шумом и гамом носились друг за другом. Все другие гаички гонялись за ними, но уступали они только мистеру Брэкету.

У гаичек, как и у людей на Третьей авеню, были любимые маршруты к лучшим местам с кормом. У каждой были собственные веточки для отдыха, у каждой было маленькое убежище в дереве, куда они прятались на ночлег. Они долго прощались и производили много шума прежде чем разлететься; а потом лес становился тихим, как дом на Третьей авеню, когда все дети пришли с прогулки, родители пожелали друг другу «спокойной ночи», и все разошлись по своим норкам.

Иногда, когда ветер был сильным и шел снег, гаички вылетали всего на несколько часов. Даже мистер Брэкет, выбранный остальными проверять, хороша или нет погода для охоты, появлялся на несколько часов и исчезал. Иногда я видел, что он, нахохлившись, просто тихо сидит на ветке у ствола дерева и ничего не делает. Нет никого, кто получал бы большее удовольствие от ничегонеделания в непогожий день, чем мистер Брэкет на Третьей авеню.

Внушающая Страх, мистер Брэкет и я чувствовали одно и то же. Когда лед, наст и снег падали с деревьев, мы сворачивались калачиком.

Однажды я посмотрел на свой календарь и понял, что почти настало Рождество.

Бандо же обещал прийти. Нужно приготовить угощение и сделать ему подарок. Я взял кусок мороженой оленины и решил, что стейков нам достаточно, чтобы питаться только ими целый месяц. Я отрыл под снегом листья гаультерии, чтобы вскипятить их и полить ими снежки на десерт.

Я проверил запасы дикого лука, чтобы понять, хватит ли у меня на луковый суп, и достал несколько больших твердых клубней дикого картофеля для пюре. У меня все еще были запасы луковиц кандыка, корней купены и немного сухих яблок. Я почистил грецкие орехи, орехи гикори, буковые желуди, а потом начал шить мокасины, отороченные кроличьим мехом, для подарка Бандо. Я закончил их до Рождества, поэтому начал делать шляпу из тех же материалов.

За два дня до праздника я начал задумываться о том, придет ли Бандо вообще. Может, он забыл или очень занят. Или он подумал, что я ушел из леса и решил не пробираться сюда сквозь снег. В канун Рождества Бандо все еще не было, и я начал планировать маленькое Рождество с Внушающей Страх.

Около половины пятого в канун Рождества я повесил несколько красных ягод гольтерии на дверь из оленьей кожи. Я зашел в комнату чтобы перекусить, когда услышал отдаленное «ау-у-у», раздавшееся у подножия горы. Я потушил свечу из оленьего жира, надел куртку, мокасины и выбежал на снег. И вновь «ау-у-у» разлетелось над снежной тишиной. Я пошел на звук, спустился с холма и встретил Бандо. Я подбежал к нему тогда, когда он повернулся к долине, чтобы пойти вдоль ручья. Встреча была радостной, мы обнялись.

— Думал не дойду, — сказал он. — Я проделал путь от входа в Государственный парк; неплохо, да?

Он улыбнулся и похлопал себя по усталым ногам. Потом взял меня за руку и тремя быстрыми щипками проверил мои мускулы.

— Хорошо живешь, — сказал он, пристально посмотрев мне в лицо. — Но через год или два тебе придется бриться.

Я поблагодарил его, и мы начали подниматься домой в горы через ущелье.

— Как поживает Внушающая Страх? — спросил он, когда мы вошли в дерево и зажгли свет.

Я свистнул, она прыгнула мне на кулак. Он осмелел и погладил ее.

— А джем? — спросил он. — Отлично, кроме одного: горшки впитывают влагу и поглощают весь сок.

— Ну, я принес тебе еще сахара; попробуем в следующем году. Веселого Рождества, Горо! — закричал он и огляделся. — Вижу, тебе было чем заняться. Одеяло, новая одежда и оригинальный камин, с настоящей трубой, и смотри-ка, у тебя есть приборы!

Он взял вилку, которую я вырезал.

На обед у нас была копченая рыба с луковицами кандыка. Грецкие орехи в джеме — на десерт. Бандо был доволен своим джемом.

Когда мы поели, Бандо улегся на кровать. Он вытянул ноги и зажег трубку. — А теперь я тебе кое-что покажу.

Он потянулся в карман куртки и вынул газетную вырезку. Она была из Нью-Йорка, Бандо прочел:

«ЕСТЬ ПОДОЗРЕНИЕ, ЧТО ОДИЧАВШИЙ МАЛЬЧИК ЖИВЕТ В КАТСКИЛЬСКИХ ГОРАХ, ПИТАЯСЬ ОЛЕНЬЯМИ И ОРЕХАМИ...»

Я посмотрел на Бандо и наклонился, чтобы самому прочесть заголовок.

— Ты все рассказал? — спросил я.

— Я? Не говори глупостей. У тебя были другие гости помимо меня.

— Пожарный и старушка! — воскликнул я.

— А еще, Торо, это могут быть просто слухи. Не стоит безоговорочно верить напечатанному. Прежде чем волноваться, посиди и послушай.

Он начал читать:

— «Жители Дели в Катскильских горах заметили дикого мальчика, питающегося олениной и орехами. Несколько охотников сказали, что этот мальчик украл у них оленей во время сезона

ОХОТЫ».

— Я не крал! — закричал я. — А взял лишь тех, которых они подстрелили и не смогли найти.

— Ну, это они рассказали своим женам, вернувшись домой с пустыми руками. Ну да ладно, слушай дальше:

«Этого дикого мальчика время от времени видели жители Катскильских гор, некоторые из них считают, что он сумасшедший!» — Это просто ужасное заявление!

— Просто ужасное, — подтвердил он. — Любой американский мальчик хочет жить в доме на дереве и сам добывать пищу. Но они этого не делают, вот и все.

— Читай дальше, — сказал я.

— «Представители власти заявляют о том, что свидетельств пребывания мальчика в горах нет и добавляют, что все нежилые дома и укрытия регулярно проверяются именно по этой причине. Тем не менее жители уверены, что этот мальчик существует!» Конец.

— Это просто бессмыслица!

Я оперся о стойку кровати и улыбнулся.

— Ха-ха, не думай, что на этом все кончилось, — сказал Бандо и потянулся в карман за еще одной вырезкой. — Эта от пятого декабря, предыдущая напечатана двадцать третьего ноября. Прочитать?

— Да.

— «ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА ВСТРЕТИЛА ДИКОГО МАЛЬЧИКА, СОБИРАЯ ЗЕМЛЯНИКУ В КАТСКИЛЬСКИХ ГОРАХ». «Миссис Томас Филдер, девяносто семь лет, жительница Дели, Нью-Йорк, рассказала репортеру о том, что встретила дикого мальчика на Горькой горе в прошлом июне во время ежегодного сбора земляники для джема.

Она сказала, что мальчик был с темными волосами, грязным; он бесцельно бродил по горам. Однако, добавила она, был в добром здравии и вполне счастлив. Старушка, жительница горного курорта девяноста семи лет, позвонила в редакцию, чтобы рассказать об увиденном. Местные жители отмечают, что миссис Филдер добропорядочный член общины, но время от времени видит воображаемые вещи».

Бандо засмеялся. Должен сказать, я даже покрылся испариной, так как не ожидал такого поворота событий.

— А теперь, — продолжил Бандо, — теперь королева нью-йоркских газет. Эта история была на девятнадцатой странице. Никаких сенсаций.

«В КАТСКИЛЬСКИХ ГОРАХ ЖИВЕТ МАЛЬЧИК». «Молодой человек семнадцати-восемнадцати лет, ушедший из дома с группой бойскаутов, все еще живет в этой области, согласно показаниям пожарного в Катскильских горах.

Признаки того, что кто-то живет в лесу, — костер, кости от супа, ореховые скорлупки — были обнаружены пожарным Джимом Хэнди, который в поисках парня провел ночь в горах. Джим отметил, что очевидно юноша ушел из этого места, так как во время второго рейда никаких следов его присутствия найдено не было...»

— Какого второго рейда? — спросил я.

Бандо забил трубку, с тоской посмотрел на меня и сказал:

— Готов слушать? — Конечно, — ответил я.

— Ну, вот продолжение, «...никаких следов его присутствия найдено не было, пожарный предполагает, что юноша вернулся домой в конце лета». Знаешь, Торо, я с трудом мог оторваться от газет, чтобы прийти сюда. Ты — отличная история. Я улыбнулся и сказал:

— Подбрось еще дров в огонь, сейчас Рождество. Никто не будет обыскивать горы до Первого мая.

Бандо спросил про ивовые дудочки. Я достал их для него. Пробежавшись несколько раз по отверстиям, он сказал:

— Давай споем серенаду изобретательности американских репортеров. А потом споем серенаду консерваторам, защищающим дикую природу Америки, чтобы мальчик мог быть один среди миллионов людей.

Я подумал, что звучит неплохо, мы сыграли «Священная ночь». Мы попробовали «Двенадцать дней Рождества», но дудочки были слишком тугими, а Бандо слишком устал.

— Торо, мне нужно отдохнуть. Давай поспим, — сказал он, зевнув два раза. Я потушил огонь, задул свечу и заснул в одежде.

Когда я проснулся, наступило Рождество. Завтрак был легким: желудевые блины, джем и чай из сассафрасов. Бандо пошел прогуляться, я зажег огонь в камине и провел утро, готовя праздничную еду. Когда Бандо вернулся, отдал ему подарки. Они пришлись ему по душе, я понял это по его бровям. Они ходили вверх-вниз. Кроме того, Бандо надел шляпу и мокасины, и я уже точно был уверен, что подарки понравились.

Луковый суп был практически готов, когда в отдалении услышал голос:

— Я знаю, что ты здесь! Где ты?

— Папа! — закричал я, вынырнув из дерева и плюхнувшись на живот.

Я скатился с горы, крича: «Папа! Папа! Где ты?» Я нашел его отдыхающим в сугробе, смотрящим на пару кардиналов, живших рядом с ручьем. Он улыбался, вытянувшись на спине, не из-за усталости, а от удовольствия. — Веселого Рождества! — выкрикнул он.

Я подбежал к нему. Он вскочил на ноги, схватил меня, ударил в грудь и кинул в меня снежок.

Потом он встал, вытащил меня из снега за карманы пальто и поднял меня так, чтобы наши глаза были на одном уровне. Он улыбался. Папа вновь уронил меня в снег и боролся со мной несколько минут. Когда с официальным приветствием было покончено, мы отправились к дому.

— Что ж, сын. — начал он. — Я читал о тебе в газетах и не мог удержаться от того, чтобы не навесить тебя. Я все еще не верю, что у тебя получилось.

Он обнял меня. Папа выглядел замечательно, я был очень рад видеть его. — Как ты нашел меня? — нетерпеливо спросил я.

— Я отправился к миссис Филдер, и она сказала, на какой горе тебя видела. У ручья я нашел плот и удочки. Потом искал тропинки и следы. Когда подумал, что мне становится «тепло», я закричал.

— Меня так легко найти?

— Отвечать не стоит, я наверняка замерз бы в снегу.

Пана был рад и вовсе на меня не злился. Он снова повторил:

— Я просто не думал, что у тебя получится. Я был уверен, что ты вернешься на следующий день. Когда тебя не было, я поспорил, что ты придешь на следующей неделе; потом в следующем месяце. Как дела? — У меня все отлично, пап!

Когда мы вошли в дерево, Бандо занимался последними приготовлениями стейка из оленины.

— Папа, это мой друг, профессор Бандо; он учитель. Прошлым летом он однажды потерялся и наткнулся на мой лагерь. Ему так здесь понравилось, что он вернулся на Рождество. Бандо, познакомься С МОИМ ОТЦОМ.

Бандо перевернул стейки на решетке, поднялся и пожал руку моему отцу.

— Рад познакомиться с человеком, воспитавшим этого мальчика, — торжественно сказал он.

Я заметил, что они понравились друг другу, Рождество будет великолепным. Папа прилег на кровать и огляделся. — Я думал, что ты выберешь пещеру, — сказал он.

— В газетах писали, что они обыскивают заброшенные дома и убежища, но я знал, что ты придумаешь что-нибудь получше. Однако я никогда не думал, что ты будешь жить внутри дерева. Какая красота! Очень умно, сын, очень, очень умно. А какая удобная кровать!

Он увидел мои полки с едой, встал и начал разглядывать запасы.

— Хватит до весны?

— Думаю да, — сказал я. — Если только у меня не будет вечно голодных гостей. Я подмигнул ему.

— Ну, я остался бы на год, если мог, но мне нужно на работу сразу после Рождества.

— Как мама и остальные? — спросил я, доставая тарелки из черепаших панцирей и расставляя их на полу.

— Она удивительная. Не знаю, как ей удастся кормить и одевать восемь малышек, которых мы с ней растим., но у нее получается. Она передает привет и надеется, что ты хорошо питаешься.

Луковый суп был готов. Я налил папе порцию.

— Первое блюдо, — сказал я.

Он глубоко вдохнул аромат и попробовал суп.

— Сын, этот суп вкуснее, чем тот, который готовит шеф-повар Вальдорфа. Бандо тоже попробовал, а я поставил свою тарелку в снег остужаться.

— Мама перестанет беспокоиться о твоём питании, когда услышит об этом. Бандо сполоснул папину миску снегом, а потом с церемонией и элегантностью — он действительно мог быть элегантным, когда ситуация этого требовала — налил ему в черепаший панцирь чай из сассафрасов. Цитируя пассаж Диккенса о еде, он подал прожаренный стейк. Внутри розовый и сочный. Приготовлен идеально. Мы все гордились этим. Папе пришлось выпить чай

прежде, чем приступить к стейку. У меня было мало мисок. Горка воздушного пюре из клубней рогоза, грибы и луковицы кандыка с подливкой из желудевой муки. На каждой тарелке были тушеные бобы акации с орехами гикори. Кстати говоря, бобы были настолько твердыми, что их пришлось размачивать три дня.

Ужин был великолепным. Все были впечатлены, включая меня. Когда мы закончили, Бандо отправился к ручью и срезал несколько старых сухих и полых веток. Когда он вернулся, он аккуратно вырезал каждому из нас по флейте перочинным ножом. Бандо сказал, что ивовые дудочки были слишком старыми для такого случая. До темноты мы играли рождественские гимны. Бандо хотел попробовать сложную джазовую мелодию, но поздний час, танцующие согревающие языки пламени, защищающий от ветра снег сделали нас такими сонными, что мы смогли выдать лишь жалкое вступление, прежде чем улечься, накрыться шкурами и погасить свет.

Перед тем как все проснулись на следующее утро, я услышал голодный крик Внушающей Страх. Я оставил ее спать на улице, потому что внутри было слишком тесно. Ее рождественский обед состоял из большого куска оленины, но ночной воздух увеличил ее аппетит. Я позвал птицу, она приземлилась ко мне на кулак, и мы отправились на луг, чтобы наловить завтрака для гостей. Она уже собралась поймать кролика, но я подумал, что для завтрака наутро после Рождества он не подойдет, поэтому мы отправились к ручью. Внушающая Страх поймала себе фазана, пока я выдалбливал лунку во льду и рыбачил. Я поймал около шести форелей и позвал Внушающую Страх. Мы вернулись к тсуге. Папа и Бандо все еще спали валетом, оба были весьма довольны.

Я развел костер, начал готовить рыбу и блины, когда папа поднялся с кровати.

— Одичавший мальчик! — закричал он. — Какой приятный запах. Какой хороший костер. Завтрак в дереве. Сын, я тружусь с утра до ночи, но никогда не жил так хорошо!

Я угостил папу. Он откусил немного желудевых блинов — они были слегка плоскими и твердыми, но Бандо одобрил их большой порцией джема из голубики. Так получилась намного вкуснее. Рыба, однако, ему понравилась, и он попросил добавки. Мы пили чай из сассафрасов, подсластив его сахаром, который принес Бандо, вымыли в снегу черепаший панцири и вышли в лес.

Папа еще не был знаком с Внушающей Страх. Когда она слетела с тсуги, он крякнул и свалился в снег, крича: «Кыш!»

Он прохладно отнесся к Внушающей Страх, но когда понял, что она была лучшим добытчиком пищи, который у нас когда-либо был, продолжительно хвалил ее красоту и восхищался ее талантами. Он даже попытался ее приручить, но Внушающую Страх так просто не завоеешь. Она слегка поцарапала папу.

Они держались друг от друга подальше до конца визита папы, хотя тот не переставал восхищаться ею с безопасного расстояния.

Бандо пришлось уйти через два или три дня после Рождества. Ему нужно было проверить несколько работ. Он выглядел очень расстроенным оттого, что выбрал такую жизнь. Бандо попрощался со всеми, а потом повернулся ко мне и сказал: — Я сохраню все газетные вырезки для тебя, и если репортеры подберутся к тебе слишком близко, позвоню в нью-йоркские газеты и скажу им, что они занимаются ерундой.

Я понял, что идея ему понравилась, и он ушел немного повеселевшим.

Папа остался еще на несколько дней. Он рыбачил, расставлял ловушки и сети, чистил грецкие орехи, вырезал несколько ложек и вилок.

В канун Нового года он объявил, что должен идти.

— Я сказал маме, что останусь только на Рождество. Хорошо, что она меня знает, а то будет волноваться.

— Она не отправит полицию тебя искать? — сразу же спросил я. — Ведь она может подумать, что ты меня не нашел? — О, я сказал ей, что если не найду тебя, то позвоню в канун Рождества.

Он пробыл со мной еще час или два, пытаюсь решить, какой путь выбрать. Наконец, он начал спускаться с гор. Но не пройдя и сотни метров, папа вернулся.

— Я решил пойти другой дорогой. Ведь за мной могут следить и легко найти тебя. А это будет очень плохо.

Он подошел ко мне и положил руку на плечо.

— Ты молодец, Сэм.

Потом улыбнулся и зашагал к ущелью.

Я смотрел, как он преодолевает валун за валуном. Папа помахал мне с высокой скалы и подпрыгнул. С тех пор мы очень долго не виделись.

Я присматриваюсь к зиме и нахожу весну в снегу

Кажется, когда прошло Рождество, зима стала суровее. Снег стал глубже, ветер сильнее, температура упала, воздух был морозным и леденящим. Никогда цивилизация не казалась мне такой далекой, как в те холодные долгие январские, февральские и мартовские месяцы. Я ходил по сугробам, днем слушая птиц, а ночью шум ветра. Ветер завывал, сыпал снег, трещал мороз.

Я спал, играл на камышовой флейте и разговаривал с Внушающей Страх.

Быть частью зимней природы — незабываемое ощущение. Я чувствовал себя отлично. Ни простуды, ни насморка, ни капли усталости. Я наслаждался чувством, что могу есть, спать, быть в тепле и противостоять бурям, бушующим в горах, и минусовым температурам, сопровождавшим их.

Снег все шел. Я продирался сквозь сугробы, протаптывая тропинки, пока постепенно не понял, что у меня было все необходимое для изготовления лыж. А они намного облегчат передвижение.

Вот как я смастерил лыжи:

«Я сделал доски из ясеня, вырезав их достаточно большими, чтобы на них можно было стоять. Потом замочил их в воде, чтобы они лучше гнулись, связал концы вместе и обшил их шкурой.

Перочинным ножом я сделал отверстие на палках на расстоянии двух сантиметров от петли.

Я натянул крест-накрест куски шкуры за петли. Из шкуры я сделал петлю для большого пальца и шнурки, чтобы завязывать их.

Когда я впервые встал на лыжи, то поскользнулся и упал, но к концу первого дня уже мог пройти от дерева до ущелья в два раза быстрее».

Моя жизнь зависела от погоды. Когда живешь в окружении леса, учишься наблюдать за ней. Ни облака не проходило незамеченным, перемена направления ветра тоже не оставалась без внимания. Я знал настроение бури по тому откуда она шла, ее форме и цвету. Когда появлялось солнце, я брал Внушающую Страх на луг, и мы катались на санках из черепашьего панциря. Ей это не очень-то нравилось. Если ветер менялся и в воздухе пахло снегом, я оставался в дереве, потому что однажды во время бури я потерялся и мне пришлось укрыться за выступом скалы, пока я не смог что-либо увидеть. В тот день ветер был настолько сильным, что я не мог с ним бороться, поэтому я спрятался за выступом; часами я думал о том, смогу ли откопаться, буря все не утихала. К счастью, мне пришлось пробираться всего лишь через полметра снега. Однако это научило меня тому, что стоит оставаться дома, когда погода говорит «снег». Не то, чтобы я боялся, что буря застанет меня далеко от дома, я мог найти кров, еду и развести костер где угодно, но я привык к моей тсуге, как птица к гнезду. Когда начиналась буря, у меня возникало непреодолимое желание вернуться к своему дереву, даже Барон возвращался к себе в нору; а олени — в свою рощу. У нас у каждого был свой уголок в лесу. И каждый из нас стремился к себе.

Обычно, когда я возвращался домой ночью, в соседнем дереве шумел поползень. Я знал, что опаздывал, если стучал по дереву и он выходил. Иногда, когда было морозно и противно, я слышал, что он кричал и крутил хвостом высоко на дереве на краю луга, а потом замечал, что он рано ложится спать. Я понял, что он достаточно хорошо предсказывает погоду, и если он рано спрятался в свое дерево, то и мне стоило уйти в свое. Когда у вас нет газеты или радио, чтобы узнать прогноз погоды, следите за птицами и животными. Они подскажут вам, когда приближается буря. Я назвал поползня Барометром и, когда он прятался, тоже забирался в дерево, зажигал свечу и садился перед камином вырезать или разучивать новые мелодии на камышовой флейте. Зима была в самом разгаре. На самом деле никакой «безмолвной зимней ночи» нет. По трескучему морозу бегают много животных, деревья стонут, ветки трещат и падают, а когда ветер попадает в ловушку в ущелье, начинает выть. В одну из таких ночей записал следующее:

«В моей спальне кто-то есть. Я слышу тихий обмен приветствиями и шум от бегущих маленьких ножек вверх по стене. К тому времени как я успел включить свет, все стихло.

На следующий день

Прошлой ночью кто-то был в моей комнате, маленький тоннель ведет от моей двери в снег. Он замечательный, аккуратно сделанный, идет от сухой травы к клочку мха. Потом поворачивает и исчезает. Я думаю, это мышь.

Сегодня

Я оставил угли догорать и зажег свет прежде, чем мой гость успел добраться до двери. Это была мышь — маленькая белоногая мышь с огромными темными глазами и аккуратными белыми лапками. Пойманная на месте преступления, она решила не убежать, а подошла ко мне чуть ближе. Я дал ей орешек. Она взяла ее хрупкими лапками, затолкала за щеку повернулась и вышла из своего секретного тоннеля. Без сомнения тоннель ведет прямо к моей кладовой, кто-то очень жирно зимует».

В снегу не было скунсов или енотов, но мыши, ласки, норки, лисы, землеройки и американские кролики были заняты больше, чем Кони-Айланд в июле. Их следы были по всем горам, а их занятия варьировались от ловли друг друга до собирания различных материалов и доставки их к своим норам и гнездам для большего тепла. Днем птицы были на крыле. Они вставали поздно, после меня, и звали друг друга перед охотой. Я разводил костер

и размышлял о том, сколько нужно еды, чтобы прокормить одну птичку в такой лютый мороз. Они должны есть, есть и есть, думал я.

Однажды я наткнулся на самца кардинала в кусте боярышника. День был серый, унылый, сырой, температура — около ноля. Кардинал вовсе ничего не делал, просто сидел на ветке весь взъерошенный, пытался согреться. «Вот это умная птица», — заметил я про себя. Он экономит энергию в отличие от тех, кто бесцельно летает туда-сюда в поисках пищи. Пока я наблюдал за ним, он дважды переменял ногу, стоя на одной, а вторую пряча в теплые перья. Я часто задумывался, почему лапы у птиц не мерзнут, и теперь получил ответ на свой вопрос. А потом он сел на обе и накрыл лапы теплыми перьями, как будто надел носки.

«8 января

Сегодня выгуливал Внушающую Страх. Мы пошли на луг за кроликом; когда мы проходили мимо одной из тсуг на краю леса, ее перья плотно прилегли к телу, и она насторожилась. Я попытался выяснить, что так напугало ее, но ничего не увидел.

На обратном пути мы прошли мимо того же дерева, и я заметил на снегу совиный помет. Я посмотрел вверх. Совы я не увидел, может, потому что было темно. Я обошел дерево; Внушающая Страх смотрела в одну точку. Казалось, что у нее оторвется голова. Я посмотрел туда же, вот где он — выглядел, как сломанная ветка — большой филин. Должен сказать, что я обрадовался. Я ударил по дереву палкой, и он улетел. Эти огромные крылья — они, должно быть, были около полутора метров в размахе — рассекали воздух, но никакого шума не было слышно. Филин летел к подножию гор сквозь ветки деревьев, пока не растворился в дали. Это очень здорово — увидеть филина. Это птица дикой природы. Они предпочитают большие пространства и старые деревья, поэтому его присутствие говорит о том, что ферма Грибли — действительно красивое место».

Неделя была солнечной и ясной, снег растаял, ветки деревьев сбросили груз и потянулись к небу. Я решил попробовать сделать иглу. Я вырезал большие блоки из снега и выкладывал их по кругу. Внушающая Страх наслаждалась солнцем, а три воробья совершали налет на шишки тсуги. Я работал, напевал и не заметил серого облака, прокравшегося в горы с северо-запада. Оно внезапно затянуло небо. Я понял, что воздух был настолько влажным, что хоть отжимай, Я позвал Внушающую Страх, и мы поспешили домой. Мы спрятались как раз вовремя. Пошел дождь, капли все падали и падали, а потом наконец все замерзло. Оленья шкура стала твердой ото льда и стучала, как жестянка, когда дул ветер.

Я развел костер, в комнате стало тепло, и я занялся приготовлением блюда, которое назвал «опоссум в подливке». Готовится из замороженного опоссума, который тушится с лишайниками, горцем змеевидным и мытником. Конечно, больше всего мне нравится в этом блюде названия всех растений. Я провел около часа, готовя это блюдо, добавляя то и это, когда услышал шуршание мыши в своем тоннеле. Шумела она ужасно, я сообразил, что это оттого, что она не может выбраться из-за льда. Я решил помочь ей. Внушающая Страх была на своем насесте, и я хотел бы увидеть морду мышки, когда она узнает, что находится в одном помещении с соколом. Я толкнул дверь из оленьей шкуры. Она не поддалась. Я пнул ее. Раздался звук бьющегося фарфора, и я понял, что буду заморожен, если не открою дверь.

Наконец дверь поддалась. На ней было около пяти сантиметров льда. Не стоит говорить о том, что мышь исчезла. Я поужинал и решил просыпаться в течение ночи и открывать дверь. Я подложил в камин побольше дров, потому что было сыро, несмотря на огонь, и заснул, не раздеваясь, в белье и костюме.

Я просыпался дважды и каждый раз пинал дверь. Потом я погрузился в глубокий сон и проспал гораздо дольше, чем обычно. Я понял, что находился в кубике льда, и ни один из

утренних звуков леса не потревожил меня. Первое, что я попытался сделать, — это открыть дверь. Я бил и пинал. Наконец, мне удалось высунуть голову, чтобы посмотреть, что случилось. Я был заморожен. Теперь я узнал, что такое ледяные бури, и понял, что они могут быть блестящими, зеркальными и ненадежным и, но было что-то еще. Осины были покрыты льдом, то же самое было и с верхушками тсуг. Он был в три сантиметра толщиной!

Внушающая Страх вылетела из двери и села на ветку, где она попыталась почиститься. Но ей это не удалось, птица соскользнула, упала на землю, расправила крылья и в конце концов приземлилась на пенек. Она попыталась встать на ноги, снова поскользнулась, потеряла равновесие и расправила крылья. Наконец она взмыла в воздух и парила там, пока не нашла подходящей ветки. Это была ветка тсуги, на которой почти не было льда.

Я посмеялся над ней, а когда вышел сам и сделал шаг вперед, с громким звуком приземлился на попу. От удара лед треснул, и покрытые льдом ветки застучали о землю, как сверкающие кристаллы. Сидя там и боясь пошевелиться, потому что мог сильно удариться, я услышал ужасный шум. После него раздался треск, хлопки и грохот. Клен на краю луга буквально взорвался. Теперь я боялся за свои деревья — лед был слишком тяжелым. Выбравшись наружу, я очистил дверь и въехал обратно в дерево, прислушиваясь к тому, как взрываются другие деревья по всем горам. Это был ужасающий и устрашающий звук. Я зажег свечу, поел копченой рыбы и сушеных яблок и снова вышел наружу. Должен сказать, я был одержим мыслью сделать коньки. Однако меня отвлекла ось старой телеги, примороженная к дереву, и я подошел к ней. Я очистил ее от снега обухом топора и стал использовать как трость. Я втыкал ее в землю примерно на три сантиметра вглубь. Пару раз упал, но ударился не так сильно, как в первый.

Внушающая Страх увидела, как я ухожу в лес, чтобы посмотреть, каким он стал, и села мне на плечо, радостная, что ей удобно сидеть. На лугу я с надеждой искал солнца в небе, но без толку. Облака были густыми, как индианский фасолевый суп. С открытого пространства я видел, как одно дерево за другим гнется и ломается под слоем льда, который сиял так ярко и падал с таким грохотом, что этого я никогда не забуду. В полдень не упало ни капли, лед стал таким же твердым, каким он был на рассвете. Я услышал поползней, гаичек лишь один раз, а потом все стихло. Рядом со мной раздался хлопок. Тсуги не стало. Мы с Внушающей Страх забрались в дерево. Я решил, что если мой дом разлетится на куски, то лучше буду в нем. Я бросал веточки во Внушающую Страх, а она ловила их когтями. Мы играли с ней в эту игру, когда были напряжены или маялись от скуки. Настала ночь, лед и не думал таять. Мы спали периодически слыша грохот ломающихся деревьев. Очевидно самые старые и гнилые деревья разрушились первыми. Остальные были более устойчивы, и пока не поднялся ветер, я не понял, что грохот закончился.

В полночь ветер усилился. Он разбудил меня, я слышал скрип обледеневших веток, трущихся друг о друга, и их хлопки о землю. Эти звуки напоминали о сумасшедшем доме. Я слушал, и решив, что ничего не могу с этим поделать, спрятался под одеялом из оленьей шкуры и лег спать.

Около шести или семи я услышал Барометра, поползня. Он беспокойно охотился за едой по тсуговому лесу. Я подпрыгнул и выглянул из дерева. Взошло солнце, лес сверкал ослепительным блеском.

В тот день я услышал первый кап-кап, к вечеру некоторые деревья освободились от груза и медленно поднялись на ноги, так сказать. Осины и березы, однако, были согнуты, как индейские луки.

Три дня спустя лес ожил, лед растаял, и около дня или чуть больше стояла теплая замечательная погода.

В горах был полный беспорядок. Сломанные деревья, упавшие ветки валялись повсюду. Мне

не нравились эти руины. Но я понял, что это происходит в горах уже несколько тысяч лет, а деревья все еще на месте, как и животные. Птицы голодали, многие из них умерли, Я нашел их маленькие холодные тельца под кустами, а еще одну гаичку в яме. Ее лапка была поджата к тельцу перья взъерошены.

Внушающая Страх в эти дни съела одну замороженную ондатру Мы не могли поймать ни кролика, ни даже мыши. Они выжидали под снегом и толстым слоем льда. Предполагаю, что мыши начали рыть тоннель к травам и мхам и так спасли себя, но мне было интересно, что же случилось с Бароном. Не стоило беспокоиться.

«Мне не стоило волноваться о Бароне: тот появился после ледяной бури, гладкий и довольный собой. Я думаю, что он роскошно обедал мертвыми животными и птицами. В любом случае он был полон энергии и подбежал к тсуге, чтобы согнать с насеста Внушающую Страх. Ох, уж этот Барон! Хорошо, что мне больше не нужно было привязывать Внушающую Страх, а то он непременно бы попытался ее убить. Он все еще нападает на меня. Больше для того, чтобы за ним побегали по снегу, а не ради пищи. Он месяцами не кусал меня за брюки».

Январь был суровым. После ледяной бури снега высыпало еще больше. На вершине горы постоянно лежал снег, ущелье было сковано льдом; только в самые теплые дни я мог слышать глубоко под ним журчание воды на порогах. У меня все еще была еда, но ее становилось меньше. Вся свежемороженая оленина закончилась, как и большинство клубней и луковиц. Я с нетерпением ждал первой зелени одуванчиков.

К концу января я стал уставать, локти и колени слегка болели. Это меня волновало.

Я понял, что это из-за недостатка какого-то витамина, но не мог вспомнить какого именно или даже найти его, если выясню, чего мне не хватает. Однажды утром у меня пошла кровь носом. Я немного испугался и задумался о том, не стоит ли мне сходить в библиотеку и найти книги о витаминах. Однако все быстро прошло, поэтому я понял, что со мной ничего серьезного. Я решил, что нужно дождаться появления зелени. Я придерживался того мнения, что недостаток свежих трав являлся причиной моего недомогания. В тот же день Внушающая Страх поймала на лугу кролика. Пока я разделял его, мне очень захотелось печени, и никак не мог дождаться, чтобы приготовить ее. На следующей неделе я приготовил печень и съел сколько мог. Усталость прошла, кости перестали болеть, и кровотечений больше не было. Голод — забавная штука. У него будто свой разум. Я ел печень каждый день до появления первой зелени, больше проблем со здоровьем не возникало. После я посмотрел книги о витаминах. И без удивления обнаружил, что печень богата витамином С. Как цитрусовые и зелень, продукты, которых мне не хватало. В диких растениях типа щавеля также много этого витамина. Даже если бы я знал это в то время, это ничего бы не изменило, потому что в земле были лишь корни и ничего более. Как оказалось, печень была единственным источником витамина С — на ней я и жил, не понимая почему. Ну довольно о моем здоровье.

Моя мама во время войны работала в детском госпитале, она достаточно знала о сбалансированной пище. Детьми мы слышали многое, поэтому я осознавал, что мой зимний рацион не так уж полезен.

После этого я стал замечать в лесу те вещи, на которые раньше не обращал внимания. Белка оторвала полоску коры от молодого деревца на краю луга и оставила ее сиять на солнце. Когда я это увидел, я задумался о том, что, наверное, ей не хватает парочки витаминов и она искала их в коре. Должен признать, что я и сам попробовал кору, но решил, что даже если в ней полно витаминов, то я предпочту печень. Я также заметил, что птицы сидят на солнце, когда оно жалует своим вниманием горы, и задумался о том, получают ли они таким образом витамин D. Я стал также сидеть на солнце, когда был на улице. Также поступала и Внушающая Страх.

За эти месяцы накопилось много записей, и обдумывал, как хранить мой журнал из березовой коры. Наконец я вынул его из дерева и спрятан в углублении от рядом лежащего камня. Под ним гнездились мыши, но журнал выдержал, даже когда намок. Вот вам еще один факт о дарах леса. Обычно они водонепроницаемые.

Теперь я писал больше о животных и меньше о себе, что доказывает, что я был в полном порядке. Вот интересная запись.

«6 февраля

Меня окружают олени. Они голодны. Очевидно они уничтожили все пастбища в долине, где паслись, но многие из них забирались в тсуговый лесок, чтобы спрятаться и поспать днем. Так как у них были такие ноги, они без особых усилий, ходили по глубокому снегу. Если бы я знал, что через миллион лет детям детей моих детей предстоит, как и мне, жить в этих горах, то мне стоило бы жениться на девушке с тонкими ногами и тут же заняться выращиванием детей с копытами, чтобы будущие дети Катскильских гор могли бегать по снегам, лугам и болотам так же легко, как и олени».

Я беспокоился за оленей и в течение многих дней залезал на деревья и срезал для них молодые веточки. Сначала приходило лишь двое, потом пятеро, а потом я был в окружении большеглазых белохвостых оленей, ожидающих меня у тсуги.

Я был поражен тем, как растет стадо, и задумался о том, какими сигналами они пользовались, чтобы оповещать друг друга о моем сервисе. Стали ли они упитаннее? Выглядели ли более довольными? Как-то они рассказывали своим друзьям о бесплатном обеде на моей стороне горы, и приходило все больше и больше. Однажды вечером собралось столько оленей, что я решил срезать ветки на другой стороне луга. Они вытоптали снег и раскопали копытами землю вокруг моего дерева.

Три ночи спустя они все исчезли. Ни один не пришел за ветками. Я посмотрел и в тусклом свете увидел кусочек открытой земли в долине. Олени вновь могли пастись. Приближалась весна! Мое сердце забилося быстрее. Думаю, что я начал дрожать. В долине стоял туман. Единственное, что я мог сделать, — заплакать, поэтому, думаю, по моим щекам катились слезы.

Той ночью в горах ухал филин. Я записал следующее:

«10 февраля

Думаю, что совы высиживают детенышей! В горах белым-бело, дует ветер, снег еще не сошел, но весна уже началась в дупле их клена. Залезу туда завтра».

«12 февраля

Да, да, да, да. В клене весна. Два яйца сов лежали в обрамленной снегом трещине на верхушке дерева. На ощупь они были теплыми. Яйца в снегу. Разве это не великолепно? Я не пробыл там долго, потому что погода была плохой и хотел, чтобы самка немедленно вернулась. Я слез и, когда бежал к своему дереву, увидел, как она тихо подлетела и вернулась к работе. Я прошел по тропинке во льду, ведущей к моему дереву, ветер подгонял меня в спину. Вечер провел вырезая из дерева и размышляя о сове в лесу, где появились первые признаки наступающей весны».

С исчезновением оленей, под уханье совы в холодной земле начала зарождаться новая жизнь. Весна — ужасно волнующее время года, особенно когда живешь в самом ее сердце.

Мне не хватало зеленых овощей, и той ночью, когда я лег спать, думал о лаконосе,

одуванчиках и других весенних красотах, которые вскоре появятся из-под земли.

Весна зимой и начало конца моей истории

Сова расколдовала весну. С того времени начали происходить события, которые лучше видеть вживую. Насекомые появились, когда на земле еще лежал снег. Птицы вшей гнезда, еноты создавали пары, лисы звали друг друга, ища подругу жизни. В конце февраля с кленов начал течь сок. Я собрал его и сварил сироп. Чтобы сделать одну чашечку сиропа, нужно ужасно много сока, обнаружил я, если быть точным, тридцать две чашки.

Вот что происходило вокруг, а я все еще был в своем зимнем меховом белье. Несколько птиц вернулось, появились первые травы — очень медленно, но все же они росли. Потом все завертелось, и прежде чем я успел заметить перемены, в снегу на болоте показались забавные цветы скунсовой капусты. Я собрал несколько и приготовил их, но без толку. Скунсовая капуста — это скунсовая капуста.

Со своего луга я видел, как долина постепенно зеленеет. На моей горе все еще лежал снег, поэтому я ходил в долину практически каждый день, чтобы собирать там съедобные растения. Внушающая Страх путешествовала со мной, сидя на моем плече. Она лучше меня знала, что время года сменилось. Она смотрела в небо, как радар. Никто не мог уйти незамеченным от взгляда Внушающей Страх. Я подумал, что она хочет освободиться и найти себе пару, но не мог ее отпустить. Я все еще зависел от ее талантов и компании. Более того, она была другой и, если я ее отпущу, то она скорее всего будет убита другой самкой, так как у Внушающей Страх не было иной территории, кроме опушки возле тсуги, а ее охотничьи навыки она приобретала под руководством человека. Она была пленницей, не дикой птицей, а это практически другой вид.

Однажды я был в долине, выкапывал луковицы и собирал крошечные свежие побеги одуванчиков, когда Внушающая Страх увидела еще одного сокола и ринулась с моего плеча, натянув привязь, как струну. — Внушающая Страх! — позвал я. — Ты не можешь бросить меня сейчас!

Я свистнул, вынул кусок мяса и надеялся, что ее привязь не запутается в верхушке дерева. Она парила над моей головой некоторое время, посмотрела на сокола, а потом на мою руку расправила крылья и села на мой кулак.

— Я видел это! — раздался голос. Я обернулся и на краю леса увидел парня примерно моего возраста.

— Ты одичавший мальчик, не так ли?

Я был настолько поражен видом человека в оглушительной холодной тишине, что просто стоял и смотрел на него. Когда я собрался с силами, то ответил: — Нет, я горожанин.

— Ах, вот как, — расстроено проговорил он, дрожа от холода. Он сделал шаг вперед.

— Ну ладно, я Мэтт Спелл. После школы я работаю в городском отделении «Нью-Йоркера», газеты. Я прочел все истории об одичавшем мальчике, который живет в Катскильских горах, и подумал, что если найду его и напишу хорошую статью, то стану репортером. Ты его ни разу не встречал? Он на самом деле существует?

— О, это все враки, — сказал я, собрав хворост и положив его на край леса. Я быстро развел костер, надеясь, что он не заметит кремня и огнива. Ему было настолько холодно и он был

так рад увидеть пламя, что ничего не сказал. Я пододвинул для него бревно к огню и поставил его за дерево, защищавшее от холодного пронизывающего ветра, рядом с кустами боярышника. Он долгое время грелся у костра, а потом практически обжег подошвы ног, пытаясь согреться. Он был жалок.

Почему ты не оделся теплее для такого путешествия? — спросил я. — Ты мог бы умереть в такую сырость и холод.

— Думаю, я умираю, — сказал он, придвинувшись к огню еще ближе. Он был симпатичным, лет тринадцати-четырнадцати, на мой взгляд. У него было приятное открытое лицо, голубые глаза, волосы цвета ручья на глубине. Несмотря на то, крупное телосложение, он был похож на парня, не знающего своих сил. Мне нравился Мэтт.

— У меня все еще остался сэндвич, — сказал он. — Хочешь половину?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Обед у меня с собой. Внушающая Страх все это время сидела на моем плече, но теперь дым шел на нее и она взлетела на ветку повыше. Она все еще была на привязи.

— У тебя на плече была птица, — сказал Мэтт. — У нее красивые глаза.

— Я вроде любителя соколов, — ответил я. — Прихожу сюда тренировать свою птицу. Это она. Ее зовут Внушающая Страх.

— Она что-нибудь ловит? — Время от времени. Ты сильно голоден? — спросил я, когда увидел, что он в два укуса прикончил сэндвич.

— Я умираю от голода; но не делись со мной обедом. У меня есть деньги, только скажи, какая дорога ведет в Дели.

Я встал и свистнул Внушающей Страх. Она спустилась. Отпустил ее с привязи, потом быстро погладил ее, подбросил в воздух и вышел в поле.

До этого заметил много кроличьих следов. Я спугнул кролика и с помощью Внушающей Страх поймал его.

Жареный кролик вкусен в любом виде, но когда ты голоден и очень замерз, он великолепен. Мэтт наслаждался каждым кусочком. Я за компанию съел маленькую порцию, так как был не очень голоден. Я сдерживался от того, чтобы предложить ему грецких орехов, лежащих у меня в кармане, слишком уж много было написано о мальчике, живущем на орехах.

— Весь мой организм благодарит тебя, — сказал Мэтт. Он правда был рад, потому что его руки и ноги согрелись, синева ушла с губ, и ее место занял здоровый красный цвет.

— Кстати, как тебя зовут?

— Сэм. Сэм Грибли, — сказал я.

— Сэм, если я одолжу твою куртку, то скорее всего смогу дойти до автобусной остановки не замерзнув до смерти. Я определенно не предполагал, что в горах будет так холодно. Я могу отправить тебе ее назад по почте.

— Ну, — заколебался я, — мой дом довольно далеко отсюда. Я живу на ферме Грибли и просто спустился сюда, чтобы поохотиться с соколом; но может, мы найдем старое лошадиное покрывало или что-нибудь подходящее в одном из заброшенных домов в округе.

— А, не переживай, Сэм. Я побегу, чтобы согреться. У тебя есть хоть какие-то мысли по

поводу одичавшего мальчика? Ты видел кого-нибудь, о ком могут быть написаны эти истории?

— Давай пойдём к дороге, — сказал я, гася костер.

Я водил его по лесу до тех пор, пока у меня не закружилась голова, а он не потерялся, потом мы отправились к дороге. На краю леса я сказал:

— Мэтт, я видел этого мальчика. Мэтт Спелл остановился.

— О, Сэм, расскажи мне о нем.

Я услышал шуршание бумаги и увидел, что Мэтт замерзшими руками достал блокнот и карандаш.

Мы прошли ещё немного, а потом я сказал:

— Ну, однажды он убежал из дома и не вернулся.

— Где он живет? Во что он одет?

Мы сели на камень на обочине. В лицо дул пронизывающий ветер.

— Он живет на западе гор в пещере. Он носит шкуру медведя, у него длинные волосы — грязные и все в колтунах, — и, по его словам, он рыбачит, чтобы выжить. — Ты разговаривал с ним? — обрадовано спросил он.

— О, да. Я говорю с ним.

— О, это просто великолепно! — он быстро записывал. — Какого цвета его глаза?

— Я думаю, что они сине-серые, с коричневыми крапинками.

— Волосы?

— Темные — не могу сказать точно из-за всех этих хвостов енотов.

— Хвостов енотов? Думаешь, он сам их убил?

— Нет. Шапка похожа на ту, которая дается в подарок к коробке с хлопьями.

— Ну, тогда я ничего не буду об этом писать; просто «шапка с хвостами енотов».

— Да, шапки с хвостами енотов будет достаточно, — согласился я. — А ботинки у него просто из газет, привязанных к ступням. Знаешь, для изоляции.

— Да?

Мэтт записал это.

— Он сказал — почему убежал?

— Я не спрашивал его. Почему мальчики убегают из дома?

Мэтт отложил карандаш и задумался.

— Ну однажды я убежал, потому что думал о том, как всем будет меня не хватать, если меня не будет рядом. Как они будут плакать и жалеть о том, что они не были со мной милы.

Он засмеялся. Потом я сказал:

— Я однажды убежал, потому что... ну, потому что хотел заняться чем-нибудь другим.

— Это хорошая причина, — сказал Мэтт. — Ты думаешь, поэтому... кстати, как его зовут? — Я не спрашивал, — честно ответил я.

— Как ты думаешь, что он действительно ест, чем питается? — спросил Мэтт.

— Рыбой, кореньями, ягодами, орехами, кроликами. Думаю, если поискать, то в лесу можно найти много еды.

— Кореньями? Коренья несъедобны.

— Ну, морковь — это корень.

— И вправду, точно; и картошка в некотором роде. Рыба? — задумался Мэтт. — Думаю, здесь водится много рыбы.

— В ручьях ее полно.

— Ты правда видел его, а? Он действительно в этих горах?

— Конечно, я видел его, — сказал я. Наконец я встал. — Мне нужно домой. Мне в другую сторону. А тебе нужно просто идти по дороге в сторону города, думаю, там ты сможешь сесть на автобус.

— Нет, подожди, — сказал он. — Давай я прочитаю тебе свои записи, чтобы проверить детали.

— Конечно.

Мэтт встал, подышал на руки и прочел:

— «Одичавший мальчик Катскильских гор существует. У него темные волосы, карие глаза, он носит симпатичный костюм из оленьей шкуры, который, очевидно, сшил сам. Он в отличном здравии, может развести костер с помощью кремня и огнива так же быстро, как человек зажигает спичку.

Его реальное жилище засекречено. Ему помогает красивый сокол. Он слетает с кулака мальчика и охотится на кроликов и фазанов, когда ему нужна еда. Он берет лишь столько, сколько ему нужно. Имя мальчика неизвестно, но он убежал из дома и не собирается возвращаться».

— Нет, Мэтт, нет, — умолял я.

Я уже было собрался бороться с ним, когда он сказал:

— Давай заключим сделку. Я проведу с тобой весенние каникулы, и ни слова об этом не появится в печати. Я напишу то, о чем рассказал мне ты. Я посмотрел на него и решил, что с ним будет весело.

— Я встречу тебя на окраине города в любой день, когда тебе будет удобно, но завяжу тебе глаза и проведу в свой дом, и ты пообещаешь не прятать в лесу фотографов. Знаешь, что случится, если ты обо мне расскажешь?

— Конечно, газеты взорвутся, привезут камеры, репортеры будут висеть на каждом дереве, и ты станешь знаменитым.

— Да, и вернусь в Нью-Йорк.

— Я напишу что ты сказал, и даже твоя мама не узнает тебя.

— Напиши, что тот мальчик в другом городе, и договорились, — сказал я. — Ты можешь написать, что я работаю на гражданскую оборону, исследуя способы выживания в дикой природе. Скажи им, чтобы они не волновались, зубатка вкусна, а в пещерах тепло. Мэтту это понравилось. Он вновь сел.

— Скажи мне названия некоторых растений и животных, которыми ты питаешься, чтобы они знали, что делать. Мы: напишем информативную статью. Я присел и назвал самые хорошие дикие растения и тех млекопитающих и рыб, которых легче всего поймать. Я дал ему несколько полезных рецептов и добавил, что не рекомендую пытаться жить в дикой природе, тем, кто не любит шпинат и мидий.

Мэтт строчил за мной. Наконец он сказал:

— У меня замерзли руки. Я лучше пойду. Но мы увидимся двенадцатого апреля в три тридцать на окраине города. Хорошо? И чтобы доказать, что я — человек, который сдерживает свои обещания, я принесу тебе копию статьи.

— Ну об этом можешь не беспокоиться. У меня есть человек, который отсматривает все истории обо мне.

Мы пожали друг другу руки, и он ушел. Я вернулся к своему дереву в горы, беседуя сам с собой всю дорогу. Я часто разговариваю сам с собой, как и все. Человек, даже в окружении других людей, девять десятых своего времени проводит наедине с голосами в собственной голове. Жизнь в одиночестве в горах не сильно отличается, только внутренний голос становится грубым. Всю дорогу домой я думал о том, как бы сделать так, чтобы все было хорошо, беседуя с Бандо, папой и Мэттом Спеллом. Я надиктовал Мэтту статью и обсудил ее с Бандо, она получилась очень правдоподобной и одновременно не открывающей правды. Я даже захотел записать ее и отправить Мэтту, но не сделал этого.

Я зашел в свое дерево, привязал Внушающую Страх к насесту и обнаружил Джесси Куна Джеймса. Я не видел его уже несколько месяцев. Он спал, свернувшись калачиком, на моей кровати. Черепаший панцирь, который был полон очищенных орехов, был пуст и лежал рядом с ним. Он проснулся, прыгнул на пол, медленно прошелся рядом с моими ногами и выскочил в дверь. Мне казалось, Джесси надеялся, что я ушел навсегда и теперь он может поселиться в моем жилище. Он любил удобства. Я был больше, поэтому он уступил мне дерево.

Я смотрел, как он забрался на скалу Барона, а потом на тсугу. Он тяжело двигался вверх, и тут я понял, что Джесси на самом деле самочка, а не самец. Я приготовил ужин, а потом сел у костра и созвал собрание. В моей голове всегда людно, и я отточил мастерство спора нескольких людей в тишине или на форуме, как я это называл. Обычно на этих форумах обсуждаются такие вещи, как буря (будет она или нет), как сшить весенний костюм, как расширить дерево и при этом не разрушить жизни на нем. Сегодня, однако, мы обсуждали, что делать с Мэттом Спеллом. Папа посоветовал мне идти в город и убедиться, что он ничего не напечатал, даже выдуманной истории. Бандо сказал, что не стоит, все нормально, он все еще не знает, где я живу, а потом Мэтт решил поучаствовать в разговоре и сказал, что хотел провести весенние каникулы со мной и что доселе он обещал не говорить ни слова. Мэтт продолжал говорить «доселе» — не знаю, откуда он взял это выражение, но оно ему нравилось, и он продолжал говорить именно его. Вот как я узнал, что говорит Мэтт; все было «доселе».

Той ночью я заснул под обсуждение возможности моего обнаружения и возвращения в город.

Вдруг заговорила Внушающая Страх. Она сказала:

— Не позволяй Мэтту приходить сюда. Он слишком много ест.

Внушающая Страх впервые принимала участие в разговоре. Я был поражен, потому что всегда думал, что ей нечего было сказать, кроме непонятных криков. Собрание закончилось замечательно, все были в восторге от Внушающей Страх. Я поднял голову и посмотрел на нее. Она спрятала клюв в перья на спине, очевидно, заснув.

Однако, в моей голове она говорила и произнесла:

— Если бы ты не хотел, чтобы тебя нашли, ты бы не рассказал ничего Мэтту.

— Мне больше нравится, когда ты молчишь, — ответил я, натянул на себя одеяло из оленьей шкуры и погрузился в глубокий сон.

Я подхожу к концу истории

К середине марта я мог без сомнения сказать, что весна вступила в свои права. Джесси больше не было видно, она рыбачила на открытой воде, а потом возвращалась к гнезду, полному детенышей. Барона тоже не было видно. Вокруг было очень много саламандр и лягушек, которые его занимали. Гаички пели по одной, не зимним хором, а скунсы, норки и лисы нашли в лесу еды больше, чем в моем дереве. Обстоятельств, объединявших нас зимой, больше не было. В лесу было много еды, и снег начал таять.

К апрелю я уже не использовал запасы своей кладовой. Вокруг росли клубни, луковицы и зелень. Пища становилась все разнообразнее. Лягушачьи лапки, яйца и черепаший суп к столу.

Теперь я вновь мылся в ручье, а не в черепашьем панцире с растопленным в нем снегом. Я регулярно прыгал в ледяную воду ручья, крича оттого, что у меня перехватывает дыхание. Я мылся, бежал к дереву и обсыхал перед камином. А потом пел. Я сочинил много хороших песен после ванной, одной из которых обучил человека, путешествовавшего однажды к ущелью на вершине горы.

Его звали Аарон, он был тихим и высоким. Я нашел его сидящим на скале и смотрящим на долину. Он напевал какие-то мелодии. Взглянув на него, я понял, что от него можно не прятаться, поэтому я подошел и сел рядом с ним. Я напел ему свою «Песню в холодной воде».

Я узнал, что он пишет песни и живет в Нью-Йорке. В Катскильские горы Аарон приехал на фестиваль и гулял тут весь день. Он уже было собрался возвращаться, когда я подсел к нему и сказал:

— Я слышал, как ты напеваешь.

— Да, — ответил он. — Я люблю. А ты умеешь?

— Да, — проговорил я. — Могу. Напевать хорошо, а петь еще лучше, особенно когда выходишь из ручья по утрам. Тогда я действительно пою во весь голос.

— Давай послушаем, как ты это делаешь.

И тогда я, расслабленный от солнца согревающего меня, сказал:

— Хорошо, я спою тебе «Песню в холодной воде».

— Здорово, — сказал Аарон. — Спой еще раз. Я так и поступил.

— Можно я предложу несколько изменений? Он поменял несколько слов, чтобы рифма была лучше, и мелодию, чтобы она больше подходила к словам, а потом мы вместе спели песню.

— Ты не против, если я позаимствую у тебя часть мелодии? — спросил он. — Можешь забирать хоть всю, — ответил я. — Здесь мелодии бесплатны. Эту я позаимствовал у красноглазого виреона.

Он сел и спросил:

— А что еще здесь поют?

Я насвистел ему «Приветственную песнь гаичек» черноголового мистера Брэкета; «Песню лесного водопада». Он вынул открытку, начертил пять линий и написал ноты. Я вытянулся на солнышке и напел ему «Песню коричневого пересмешника» Барометра, поползняя. Потом я проухал песню филина и остановился.

— Хватит или еще? — спросил я. — Думаю, достаточно.

Он лег, вытянулся, посмотрел на листья деревьев и сказал:

— Если у меня что-нибудь получится, я вернусь и сыграю тебе. Принесу переносной орган.

— Хорошо, — сказал я.

Потом, после неловкой паузы, он сказал:

— Ты будешь в этих краях летом?

— Да, — ответил я.

Аарон заснул, а я загорал. Он мне нравился. Он не задал мне ни одного личного вопроса. Довольно странно, но я не был уверен, радоваться мне или нет. А потом я задумался о словах Внушающей Страх в моей голове. «Ты хочешь, чтобы тебя нашли». Действительно. Я нашел человека. Год назад такого бы не случилось.

Я заснул. Когда проснулся, Аарона уже не было, а над моей головой кружила Внушающая Страх. Когда она увидела, что я открыл глаза, спустилась вниз и села на камень рядом со мной. Я сказал: «Привет», но не встал, а просто тихо лежал и слушал птиц, шорох и шевеление насекомых в сухой листве и ветер, шумящий в деревьях с набухшими почками. В голове у меня не было ни единой мысли. Приятная пустота. Я познал радости ящерицы на бревне, точно знающей, откуда придет ее обед. И заметил то, как ей скучно. Примерно через час мне в голову пришла мысль. Аарон сказал, что пришел в горы на Пейсах, значит, скоро Пасха и мне нужно встретить Мэтта. Я не отсчитывал недели.

Мне на лицо упала тень, я встал, позвал Внушающую Страх и медленно побрел домой, по ходу набивая карманы весенней зеленью.

Несколько дней спустя я встретил Мэтта на 27 шоссе в три тридцать, Я завязал ему глаза и повел его, спотыкающегося, в горы. Я практически сразу привел его к дому. Мне было все равно, вспомнит ли он дорогу или нет. Когда я снял повязку, он осмотрелся.

— Где мы? Где твой дом? Я присел и жестом приказал ему сесть. Он шлепнулся на землю.

— Где ты спишь. На земле?

Я показал на дверь в тсуге из оленьей шкуры, которая развевалась на ветру.

— Ты что, живешь в дереве? — Да.

Мэтт вскочил на ноги, и мы вошли в дерево. Я откинул дверь, чтобы в комнату попадал свет, и он закричал от радости. Я зажег свечу, и мы обошли все помещение, каждое новое открытие сопровождалось криком.

Пока я готовил форель в листьях дикого винограда, Мэтт, сидя на кровати, рассказывал мне о событиях в мире. Я внимательно слушал о ситуации в Европе, на Дальнем Востоке, на юге и в Америке. А также о нескольких сенсационных убийствах, матчах и его репортаже.

— Все доказывает мою мысль, — мудро сказал я. — Люди живут слишком тесно.

— Поэтому ты здесь?

— Ну, не совсем. Главная причина в том, что я не хочу быть зависимым от чего-либо, в частности, от электричества, железных дорог, пара, нефти, угля, машин и от многого другого.

— Поэтому ты убежал?

— Ну, не совсем. Некоторые люди забираются на Эверест, потому что он есть.

Природа.

— Поэтому?

— Ну хватит, Мэтт. Видишь этого сокола? Слышишь белогрудых воробьев? Чувствуешь, как пахнет скунс? Так вот, сокол живет в небе, белогрудые воробьи — в кустах, скунс — на земле, ты — в редакции газеты, а я — в лесу.

— Тебе не одиноко?

— Одиноко? Да у меня едва ли выбралась свободная минутка с тех пор, как я тут.

Перестань меня расспрашивать, давай поедим. Кроме того, в городе есть люди, которые гораздо более одинокие, чем я.

— Хорошо. Давай поедим, Хорошая еда, чертовски вкусная; на самом деле лучшее из того, что я когда-либо ел.

Он начал жевать и перестал задавать вопросы.

Следующую неделю мы рыбачили, охотились, расставляли ловушки, собирали зелень и луковицы. Мэтт говорил все меньше и меньше, больше спал, гулял и размышлял. Еще у него был отличный аппетит, и Внушающая Страх была постоянно занята. Он сшил себе пару мокасинов из оленьей шкуры и шляпу, которую я не могу описать. За неимением зеркала, он не мог видеть, как выглядит, но могу сказать, следующее: когда я встречал его после рыбалки у ручья, то всегда изумлялся. Я так и не привык к этой шляпе.

В конце недели, угадайте, кого мы увидели спящим в моей кровати после возвращения с рыбной ловли? Бандо!

— Весенние каникулы, — объяснил он.

Тем вечером мы играли на камышовых флейтах для Мэтта у костра. Было тепло. Мэтт и

Бандо также решили сделать домик для гостей из рядом стоящей тсуги. Я согласился, потому что это было хорошей идеей, и догадывался, что это означает. А означало это то, что теперь я не беглец. Я больше не прятался в лесу. Я жил там, как обычные люди живут в доме. Мимо проходят незнакомцы, соседи приходят на ужин из трех блюд, я хожу по магазинам, прибираюсь перед приходом гостей.

Я ощущал почти то же самое, как если бы жил дома. Единственное отличие было в том, что навещать меня здесь было несколько труднее, но возможно. Со мной были Мэтт и Бандо. Мы выжгли и вырезали еще одну тсугу. Я работал с ними, размышляя о том, что со мной происходит. Почему я не закричал: «Нет»? Что заставило меня радостно строить город в лесу. А именно этим мы и занимались. Когда дерево было готово, Бандо обнаружил, что в ивах начал течь сок и ветки идеально подходили для дудочек. Вечер он провел за изготовлением флейт для нас. Мы играли все вместе. Это слово вместе. Может, оно было ответом городу.

Перед тем, как лечь спать, Мэтт неохотно сказал:

— В этих местах могут быть фотографии.

— Мэтт! — запротестовал я. — Что ты написал? Бандо достал из кармана газетную вырезку.

Он прочитал ее, а также дополнительные материалы и комментарии из других газет. Потом он облокотился на дерево и, как обычно, закурил трубку.

— Признай, Торо, сегодня ты не можешь жить в Америке и быть абсолютно другим. Если ты хочешь быть не таким, как вес, то ты будешь выделяться, и люди рано или поздно о тебе услышат; а в твоем случае, если они о тебе узнают, то отвезут в город или переселят, и больше ты не будешь другим, ты станешь как все. Пауза.

— Торо, а у сов есть гнезда?

Я рассказал ему о совах и о том, как детеныши играли вокруг тсуги. После мы легли спать немного грустными — все мы. Время подходило к концу.

Мэтту надо было возвращаться в школу, а Бандо остался, чтобы помочь выжечь еще одно дерево для следующего гостевого домика. Мы срезали старое дерево, сделали кровать и уже приступили к изготовлению второй, но Бандо пришлось вернуться к преподаванию.

Я не был долго один. Мистер Куртка нашел меня.

Я был на плоту, пытаюсь поймать огромную черепаху. Когда она клевала, то высовывала голову из воды, смотрела на меня своими мудрыми глазами и отпускала крючок. Внушающая Страх была рядом. Я сделал петлю, чтобы в следующий раз, когда она выплывет на поверхность, накинуть ей ее на шею, но в тот момент Внушающая Страх прыгнула мне на плечо и больно схватила когтями. Она была обеспокоена и вся напряглась, что на ее языке значило «люди», поэтому я не удивился, услышав голос с другой стороны ручья:

— Привет, Дэниел Буун. Что делаешь? Это был мистер Куртка.

— Пытаюсь поймать этого кита-черепаху, — ответил я таким голосом, будто занимаюсь этим каждый день.

Я продолжил делать петлю, и он посоветовал мне:

— Ударь его палкой.

Я так и не смог поймать «старого динозавра», поэтому подплыл к берегу и забрал мистера

Куртку. Час спустя мы все-таки поймали черепаху, разделали ее, и к тому времени я уже зная, что мистера Куртка зовут Том Сидлер.

— Пойдем в дом, — сказал я, и он подошел к дереву, прямо как после школы на Третьей авеню.

Конечно, он хотел все посмотреть, ему действительно все казалось необычным, но он быстро освоился и вызвался помочь мне приготовить мясо для черепашьего супа.

Он выкопал лука, пока я грел воду в жестянке. Черепашье мясо твердое, как камень, и его нужно варить часами, пока оно не станет мягким. Мы приправили суп солью гикори и добавили в него много луковиц купены. Том сказал, что он слишком жидкий, поэтому я добавил молотых орехов — у меня закончилась желудевая мука. Я попробовал кинуть в суп фиалковых корней — получилось неплохо.

— Хочешь остаться съесть суп и переночевать? — спросил я его во время готовки.

Он сказал:

— Конечно, — но добавил, что ему лучше сходить домой и предупредить маму. Он вернулся где-то два часа спустя, черепаха все еще не разварилась, поэтому мы пошли на луг прогуляться с Внушающей Страх. Она поймала себе еды, мы привязали ее к насесту и практически по-темному пришли к ущелью. Мы поужинали черепашьим супом. Спал Том в гостевом домике.

Я не мог заснуть. Все думал о том, что происходит. Все казалось таким привычным.

Мне нравился Том, я нравился ему он часто приходил, почти каждые выходные. Он рассказал мне о своей команде по боулингу, о нескольких друзьях, у меня появилось ощущение, что я знаю многих людей в городе. От этого дикая природа становилась менее дикой. Когда однажды в выходные Том ушел домой, я написал это:

«Том сказал, что они с Ридом забрались в пустой дом, а когда туда пришел риелтор, они скатились по желобу для стирки в подвал и выбрались через окно. Он рассказал, что прорвало трубу, вода затопила школьную площадку, все дети сняли обувь и стали играть в бейсбол».

Я отчертил и записал еще:

«Я давно не видел Барона. Думаю, он оставил свое гнездо под валуном. Рядом гнездится дрозд. Очевидно, он понял, что Внушающая Страх иногда привязана, и в это время близко подлетает к камину за остатками еды».

Я отчеркнул и это, а на остатке коры нарисовал Внушающую Страх.

На следующий день я пошел в библиотеку и взял четыре книги.

Вернулся Аарон. Он зашел прямо в тсуговый лес и позвал меня. Я не спросил его о том, как он меня нашел. Он остался на неделю и проводил время по большей части играя на ивовых дудочках. Он ни разу не спросил, что я делаю в горах. Как будто он уже знал. Как будто он говорил с кем-то или читал где-то, больше нечего было спрашивать. У меня было чувство, что старая история витала где-то у подножья горы. Мне было все равно.

Бандо купил машину и стал приезжать чаще. Он больше не говорил о газетных статьях, и я его не спрашивал. Однажды я просто сказал ему:

— Кажется, у меня теперь есть адрес. Он ответил:

— Да.

Я спросил: — Это пересечение Бродвея и Сорок второй улицы? Он сказал:

— Почти.

Его брови поднялись, и он сочувственно посмотрел на меня.

— Все хорошо, Бандо. Наверное, тебе лучше принести мне рубашку и джинсы в следующий раз. Я думал, если тот дом в городе еще не продали, то, может, мы с Томом скатимся по желобу для стирки.

Бандо медленно повернул в руках ивовую дудочку. Он не стал на ней играть.

Город приходит ко мне

Прилетели певчие птицы, появилась летняя зелень, и июнь ворвался в горы. Он вкусно пах, был хорош на вкус и приятен глазу.

Однажды утром я лежал на большом камне на лугу. Внушающая Страх прыгала за каким-то насекомым в траве, когда внезапно я увидел вспышку фотоаппарата и из ниоткуда взявшегося человека.

— Одичавший мальчик! — сказал он и сделал еще один снимок. — Что ты делаешь, ешь орехи?

Я сел. На сердце у меня было тяжело. Так тяжело, что я позировал ему с Внушающей Страх на кулаке. Однако я отказался вести его к себе в дерево, и он наконец ушел. За ним пришли еще два фотографа и репортер. Я немного с ними поговорил. После их ухода перевернулся на живот и задумался о том, чтобы обратиться в Министерство внутренних дел и найти сведения о других землях Запада. Моей следующей мыслью была игра в бейсбол в затопленном школьном дворе.

Прошло четыре дня, я постоянно говорил с репортерами и фотографами. На пятый день в полдень я услышал голос из долины:

— Я знаю, что ты здесь!

— Папа! — закричал я и вновь помчался в долину, чтобы увидеть отца.

Когда бежал к нему, я услышал то, что меня остановило. Звук ломающихся веток и сучков, сминаемых цветов. Приближалась толпа. На мгновение я задержался и подумал о том, бежать к папе или исчезнуть навсегда. Я был самодостаточен, мог путешествовать по миру без единого пенни, не прося ни о чем других. Я мог уплыть в Азию в каноэ через Берингов пролив. Я мог приплыть на плоту на остров. Я мог совершить круговое путешествие, питаясь одними фруктами. Я побежал к дому. Но, добежав до ущелья, повернул назад. Я очень хотел увидеть папу.

Я спустился, чтобы встретить его и людей, которых он привел из города, чтобы меня сфотографировать, опросить и отвезти домой. Я шел медленно, зная, что все кончено. Я слышал голоса других людей. Они заполнили мои тихие горы.

Потом я все понял, радостно засмеялся и даже подпрыгнул от счастья. Я узнал веселую

песню моего четырехлетнего брата.

Семья! Папа привез родственников! Всех. Я бежал, уворачиваясь, петляя среди деревьев, как сокол, и время от времени перепрыгивая через молодые осинки.

— Папа! Мама! — закричал я, когда встретил их на берегу ручья, аккуратно обирая по ходу малиновые кусты. Папа хлопнул меня по плечу, а мама обняла меня так, что я закричал.

Джон прыгнул, Джим набросился, а Мэри села на меня. Элис забросала мои волосы листвою. Хэнк спихнул Джима, Джоан потянула меня за ногу, а Джейк укусил меня за лодыжку. Маленькая сестренка отошла от меня и закричала.

— Ого! Весь Нью-Йорк! — сказал: я. — Великий день в Катскильских горах.

Я гордо повел их в горы, думая, чем бы их таким накормить. Я понял, как чувствует себя мама во время прихода гостей.

Когда мы подходили к тсуговому лесу я заметил, что папа несет рюкзак. Он объяснил, что в нем еда на несколько первых дней или до тех пор, пока я не научу Джона, Джима, Хэнка и Джейка выживать на земле. Я подмигнул ему.

— Но, папа, Грибли не созданы для суши... О чем ты? — закричал он. — У Грибли есть земля уже три поколения. Мы пионеры, мы открываем земли.

Он почти пел.

— А потом мы выйдем в море, — сказал я.

— Времена изменились. Закон о детском труде; нельзя брать детей в плавание.

Я, наверное, просиял бы от таких папиных признаний, пока мы шли, но мы отчаянно строили планы: еда, кровати, обязанности. Однако папа все придумал заранее. Он натянул гамаки по всему лесу, и нигде в мире не было счастливее детей. Пение, крики, визги оттеснили пение и щебет птиц на второй план. Даже у маленькой Нины был гамак и хотя она только училась ходить, она лопотала и ворковала, шагая между двумя осинами на лугу. Мы ели мамину курицу-гриль. Я никогда не забуду этот вечер.

И я никогда не забуду папины слова: «Сын, когда я сказал твоей маме, что ты здесь, она проговорила: „Ну, если он не хочет возвращаться домой, мы принесем ему дом“. И вот почему мы все здесь».

Я был поражен. Я начал понимать, что это был не поход, а переезд. Мама, увидев мою реакцию, сказала:

— Когда ты вырастешь, можешь идти куда угодно. До этого времени я обязана заботиться о тебе согласно всем существующим законам. — Она обняла меня, и мы закачались вместе. — Кроме того, я не Грибли. Я Стьюарт, а Стьюартам нравилась суша.

Она посмотрела на горы, луг, ущелье, и я почувствовал, как она сливается с землей и пускает корни.

На следующий день я взял Джона, Джима и Хэнка в горы вместе с Внушающей Страх, чтобы посмотреть, сможем ли мы прокормить целый город. У нас получилось вполне сносно.

Когда мы вернулись, я увидел папу с бревнами, поднятыми вверх на краю луга, и таким количеством досок, которого бы хватило на амбар.

— Боже, папа, — закричал я. — Что ты делаешь?

— У нас будет дом, — сказал он. Я был поражен и обижен. — Дом! Ты все испортишь! — запротестовал я. — Разве мы не можем жить в деревьях и гамаках?

— Нет. Твоя мама сказала, что нужен достойный дом, и, по ее мнению, он должен иметь крышу и двери. Она очень разозлилась, когда узнала из газет, что она не исполнила свой долг.

— Но это не так, — я практически плакал. — Моя мама самая лучшая! У кого еще такая мама, которая позволит сделать то, что сделал я?

— Я знаю. Но женщина живет среди соседей. Твоя мама восприняла всю эту писанину близко к сердцу, как будто об этом ей сказали мистер Брэккет и миссис О'Брайан. Страна стала ее соседями, и никто, даже... Он заколебался. Закричал дрозд.

— Даже этот дрозд не смеет и подумать о том, что она разрешила тебе.

Я уже было собрался громко запротестовать, когда мамина рука легла мне на плечо.

— Так будет, пока тебе не исполнится восемнадцать, Сэм, — сказала она.

И так все закончилось.